

102
ИЗДАНИЕ КРУЖКА РУССКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
ВО ФРАНЦИИ

(1870—1871)

Карла Маркса

Издание второе

Съ предисловіемъ Энгельса къ 3-му нѣмецкому изданію.

Цѣна 1 фр.

ЖЕНЕВА

Imprimerie Ukrainienne, ch. Dancet 15

1893

О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНѢ ВО ФРАНЦІИ.

(Введение Ф. Энгельса къ 3-му нѣмецкому изданію).

28-го мая послѣдніе бойцы Коммуны были раздавлены въ Бельвилѣ превосходными силами непріятеля, а черезъ два дня, 30 мая, Марксъ прочелъ уже генеральному совѣту свое произведеніе, гдѣ историческое значеніе парижской Коммуны было очерчено въ немногихъ словахъ, но съ такою мѣткостью и вѣрностью взгляда, какой не достигла вся накопившаяся впоследствии обширная литература объ этомъ возстаніи

Экономическое и политическое развитіе Франціи съ 1789 года поставило Парижъ въ такое положеніе, при которомъ въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ каждая раздражающаяся тамъ революція неизбѣжно принимала характеръ возстанія пролетаріата; заплативъ своей кровью за побѣду, пролетаріатъ неизбѣжно выступаетъ послѣ побѣды со своими собственными требованіями. Эти требованія были болѣе или менѣе неясны и сбивчивы, смотря по степени развитія достигнутой парижскими рабочими; но въ концѣ концовъ все они сводились къ устраненію классовой противоположности между капиталистами и рабочими. Какъ должно оно совершиться, этого они, правда, не знали. Но самое требованіе, не смотря на всю его неопредѣленность, уже заключало въ себѣ опасность для существующаго общественнаго порядка; предъявлявшіе его рабочіе были вооружены; ихъ обезоруженіе являлось главнѣйшей задачей для буржуазіи, стоящей у кормила правленія. Поэтому, за каждой, одержанной руками рабочихъ, революціонной побѣдой слѣдовала новая борьба, оканчивавшаяся пораженьемъ рабочихъ.

Въ первый разъ это произошло въ 1848 году. Либеральные буржуа принадлежавшіе къ парламентской оппозиціи, устраивали банкетъ для агитаціи въ пользу избирательной реформы, которая обезпечила бы господство ихъ партіи. Борьба съ правительствомъ вынудила ихъ мало по малу аппелировать къ народу и постепенно принять въ свои ряды радикальные и республиканскіе элементы мелкой буржуазіи. За этими послѣдними стояли революціонеры рабочіе, пріобрѣтшіе съ 1830-го года гораздо больше политической самостоятельности, чѣмъ предполагали у нихъ буржуа, даже буржуа республиканцы. Въ моментъ столкновенія между правительствомъ и оппозиціей рабочіе начали уличную борьбу; Луи Филиппъ исчезъ, съ нимъ исчезла и избирательная реформа, а вмѣсто нея возникла республика, которую побѣдители-рабочіе объявили даже „соціальной“. Что слѣдуетъ понимать подъ соціальной республикой, никому не было ясно, не знали этого и рабочіе. Но теперь они были вооружены и сдѣлались силой въ государствѣ. Поэтому, какъ только правительство буржуа-республиканцевъ почувствовало сколько нибудь твердую почву подъ ногами, оно поставило себѣ первой цѣлью обезоруженіе рабочихъ. Эта цѣль была достигнута при Іюньскомъ возстаніи въ которое рабочихъ вогнали прямымъ нарушеніемъ даннаго слова, открытымъ издѣвательствомъ и, наконецъ, попыткой выслать всѣхъ не имѣющихъ работы въ отдаленныя провинціи. Правительство заранѣе позаботилось о подавляющемъ превосходствѣ силы въ этой борьбѣ, и послѣ пятидневныхъ геройскихъ подвиговъ рабочіе были побѣждены. Теперь началось избіеніе беззащитныхъ плѣнниковъ въ размѣрахъ, невиданныхъ со времени гражданскихъ войнъ, предшествовавшихъ паденію римской республики. Тогда буржуазія въ первый разъ показала, какая бѣшеная мстительность разгорается въ ней, какъ только пролетаріатъ осмѣливается выступать противъ нея въ качествѣ особаго класса со своими отдѣльными интересами и требованіями. И все же 1848 годъ оказался дѣтской забавой по сравненію съ неистовствами 1871 года.

Не долго пришлось буржуазіи ждать заслуженнаго наказанія. Если пролетаріатъ еще не могъ, то буржуазія

уже не могла управлять Франціей. Не могла по крайней мѣрѣ въ то время; тогда она была еще въ большинствѣ случаевъ настроена монархически и дѣлилась на три династическихъ партіи и четвертую республиканскую. Ея внутренніе раздоры дали возможность авантюристу Луи Бонапарту забрать въ свои руки всѣ важнѣйшія силы государства — армію, полицію, администрацію — и ниспровергнуть послѣдній оплотъ буржуазіи, національное собраніе. Началась вторая имперія. Эксплуатація Франціи шайкой политическихъ и финансовыхъ авантюристовъ. Но въ то же время началось такое сильное промышленное развитіе, какое было совершенно невозможно при осторожной и малодушной системѣ Луи Филиппа, при исключительной небольшой части крупной буржуазіи. Луи Бонапартъ отнялъ у капиталистовъ политическую власть подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будетъ защищать буржуазію отъ рабочихъ и рабочихъ отъ буржуазіи; за то его господство содѣйствовало спекуляціи и промышленному движенію, вообще неслыханному до тѣхъ поръ расцвѣту и обогащенію буржуазіи. Въ еще большей степени содѣйствовало оно порчѣ нравовъ и страшному хищничеству, центромъ которыхъ является императорскій дворъ.

Но вторая имперія знаменовала собою призывъ къ французскому шовинизму, она означала требованія возврата границъ первой имперіи утраченныхъ въ 1814 году, или по крайней мѣрѣ границъ первой республики. Французская имперія не могла долго существовать въ границахъ старой монархіи или, вѣрнѣе, въ еще болѣе узкихъ границахъ 1815 года. Отсюда — необходимость военъ и расширенія границъ. Но никакое расширеніе границъ не ослѣпляло такъ фантазіи французскихъ шовинистовъ, какъ расширеніе со стороны лѣваго берега Рейна. Одна квадратная миля на Рейнѣ стоила въ ихъ глазахъ больше, чѣмъ десять миль въ Альпахъ или въ другомъ мѣстѣ. При существованіи второй имперіи требованіе возврата лѣваго берега Рейна было лишь вопросомъ времени. Это время пришло съ пруско-австрійской войной 1866 г. Обманутый Бисмаркомъ и своей собственной хитроумной политикой въ своихъ ожиданіяхъ насчетъ „территоріальнаго вознагра-

ражденія“, Наполеонъ долженъ былъ обратиться къ войскамъ; наступилъ 1870 годъ, который принесъ съ собою Сѣданъ и путешествіе въ Вильгельмсгофъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого была парижская революція 4-го Сентября 1870 года: имперія разлетѣлась какъ карточный домикъ, провозглашена была республика. Но у воротъ стоялъ непріятель; унаслѣдованныя отъ имперіи войска частью были, безъ всякой надежды на спасеніе, осаждены въ Мецѣ, частью находились въ Германіи, въ плѣну. Въ этой крайности народъ позволилъ парижскимъ депутатамъ бывшаго Законодательнаго Корпуса сложиться въ „Правительство Національной Обороны“. На это согласились тѣмъ легче, что теперь, въ видахъ защиты, всѣ, способные носить оружіе парижане, были вооружены и зачислены въ національную гвардію, такъ что теперь работники составляли въ ней большинство. Но уже очень скоро дошло до разрыва между правительствомъ, состоявшимъ почти исключительно изъ буржуа, и вооруженнымъ пролетаріатомъ! 31 Октября рабочіе батальоны взяли ратушу и арестовали нѣсколькихъ членовъ правительства. Измѣна, прямое нарушеніе слова даннаго правительствомъ и вмѣшательство нѣсколькихъ батальоновъ мелкой буржуазіи выручили арестованныхъ; во избѣжаніе междоусобной войны въ осажденномъ городѣ власть оставлена была въ рукахъ стараго правительства.

Наконецъ, изнуренный голодомъ Парижъ сдался 28-го Января 1871 г. Но онъ сдался на неслыханныхъ до тѣхъ поръ въ военной исторіи почетныхъ условіяхъ. Форты были сданы непріятелю, городскія укрѣпленія обезоружены, линейныхъ полковъ и мобилей было отобрано нѣмцами ихъ оружіе и сами они объявлены военноплѣнными. Но національная гвардія сохранила свои ружья и пушки и вступила лишь въ перемиріе съ побѣдителями. Да и сами побѣдители не осмѣлились съ тріумфомъ вступить въ Парижъ. Они рѣшились занять только маленькій уголокъ его, состоящій кромѣ того почти исключительно изъ общественныхъ парковъ, да и въ этомъ уголкѣ они простояли всего дня два. Въ это время они, окружавшіе Парижъ въ теченіе 131-го дня, сами были окружены вооружен-

ными парижскими работниками, которые зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы ни одинъ „пруссакъ“ не перешагнулъ узкихъ предѣловъ отведеннаго завоевателямъ уголка Парижа. Такъ велико было почтеніе, внушенное Парижскими рабочими тому самому войску, передъ которымъ положили оружіе всѣ арміи имперіи! Пруссіе юнкера, явившіеся затѣмъ, чтобы свести счеты съ очагомъ революціи, вынуждены были остановиться передъ этой вооруженной революціей и отдать ей честь.

Во время войны парижскіе работники ограничивались тѣмъ, что требовали энергичнаго продолженія борьбы. Теперь же, когда послѣ капитуляціи Парижа заключенъ былъ миръ, Тьеръ, глава новаго правительства, убѣдился, что господство имущихъ классовъ — крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ — будетъ до тѣхъ поръ подвергаться опасности, пока останутся вооруженными парижскіе работники. Первымъ его дѣломъ была попытка ихъ обезоруженія. 18-го Марта онъ отправилъ линейныя войска съ приказомъ захватить артиллерію, принадлежавшую національной гвардіи и изготовленную во время осады на общественный счетъ по подпискѣ. Попытка не удалась, Парижъ какъ одинъ человекъ взялся за оружіе, и началась война между Парижемъ и бѣжавшимъ въ Версаль французскимъ правительствомъ. 26-го Марта была выбрана, а 28-го провозглашена Парижская Коммуна. Центральный комитетъ національной гвардіи, въ рукахъ котораго была до тѣхъ поръ власть и который успѣлъ уже отмѣнить безобразную полицію нравовъ, передалъ свои полномочія Коммунѣ. 30-го Марта Коммуна отмѣнила конскрипцію и постоянную армію и объявила единственною вооруженною силой національную гвардію, къ которой должны были принадлежать всѣ способные носить оружіе граждане; она отмѣнила квартирную плату съ Октября 1870-го по Апрѣль 71 года съ отнесеніемъ уже уплоченныхъ домовладѣльцами суммъ на счетъ будущей платы, и пріосланила продажу вещей, заложенныхъ въ городскомъ ломбардѣ. Въ тотъ же день были утверждены въ своемъ званіи выбранные въ Коммуну иностранцы, такъ какъ „Знамя Коммуны есть знамя всемірной республики“. 1-го Апрѣля

было рѣшено, что высшій окладъ жалованья служащимъ Коммунѣ то есть между прочимъ и ея собственнымъ членамъ, не долженъ превышать 6000 фр. На слѣдующій день декретировано было отдѣленіе церкви отъ государства и отмѣна всѣхъ государственныхъ расходовъ въ пользу религіи, наконецъ, превращеніе всѣхъ имуществъ духовенства въ національную собственность; затѣмъ 8-го Апрѣля принято было и постепенно осуществлено устраненіе изъ школъ всѣхъ религіозныхъ символовъ, образовъ, догматовъ, молитвъ, словомъ „всего того, что относится къ совѣсти отдѣльныхъ лицъ“. 5-го Апрѣля изданъ былъ, въ виду постоянныхъ разстрѣливаній плѣнныхъ защитниковъ Коммуны версальскими войсками, декретъ о заложникахъ, никогда не выполненный цѣликомъ. 6-го Апрѣля 137-ой батальонъ національной гвардіи вытащилъ и сжегъ гильотину при громкихъ радостныхъ крикахъ народа, 12-го числа Коммуна рѣшила свергнуть Вандомскую колонну, вылитую Наполеономъ послѣ войны 1809 года изъ отнятыхъ у непріятеля пушекъ, и возвышавшуюся какъ символъ шовинизма и международной вражды. Это было исполнено 16-го Мая. 16-го Апрѣля Коммуна приказала переписать стоявшія безъ работы фабрики и выработать планъ для ихъ употребленія въ дѣло кооперативными товариществами работниковъ и для объединенія этихъ товариществъ въ одинъ большой союзъ. 20-го отмѣнена была ночная работа булочниковъ и уничтожены бюро для пріисканія работы, которыя со времени второй имперіи составляли монополію въ рукахъ назначавшихся полиціею личностей (первостатейныхъ эксплуататоровъ работниковъ); пріисканіе работы стало дѣломъ мэрій 28-ти парижскихъ округовъ. 38-го Апрѣля уничтожены были ссудныя кассы, служившія средствомъ эксплуатаціи работниковъ, и противорѣчившія праву этихъ послѣднихъ на свои орудія труда и на свой кредитъ. 5-го Мая рѣшено было срыть часовню, воздвигнутую для искупленія казни Людовика XVI.

Такимъ образомъ 18 Марта рѣзко и рѣшительно выдвинуло на первый планъ классовой характеръ парижскаго движенія, до тѣхъ поръ мало замѣтный вслѣдствіи борьбы съ иностраннымъ нашествіемъ. Въ Коммунѣ засѣдали почти

одни только рабочіе или весьма извѣстные защитники рабочаго класса; сообразно съ этимъ ея рѣшенія выражали стремленіе пролетаріата. Коммуна декретировала частью такія реформы, которыхъ забыла потребовать по своей трусости, республиканская буржуазія, но которыя составляли необходимую основу для свободной дѣятельности рабочаго класса, какъ напримѣръ: проведеніе того принципа, что по отношенію къ государству религія есть чисто частное дѣло: отчасти-же Коммуна принимала рѣшенія прямо связанныя съ интересами рабочаго класса и въ значительной степени упразднявшія старый общественный порядокъ. Но въ осажденномъ городѣ въ этомъ отношеніи могли быть сдѣланы лишь самые первые шаги. Уже съ начала Мая борьба съ постоянно умножавшимися войсками версальскаго правительства стала поглощать всѣ силы.

Седьмого Апрѣля версальцы овладѣли переправой черезъ Сену у Нёлы, на западномъ фронтѣ Парижа; наоборотъ, генералъ Эдъ нанесъ имъ значительный уронъ при ихъ неудачномъ нападеніи на южный фронтъ. Тѣ самые люди, которые клеймили бомбардировку Парижа пруссакими, какъ оскорбленіе святыни, безпрерывно бомбардировали теперь Парижъ. И эти же люди вымаливали у прусскаго правительства немедленное возвращеніе французскихъ солдатъ, которые были взяты въ плѣнъ при Сэданѣ и въ Мецѣ и которые должны были теперь завоевать Парижъ. Къ началу Мая постепенное возвращеніе этихъ войскъ дало версальцамъ рѣшительный перевѣсъ. Эго обнаружилось уже 23-го Апрѣля, когда Тьеръ прекратилъ переговоры объ обмѣнѣ парижскаго архіепископа и многихъ другихъ поповъ задержанныхъ въ Парижѣ въ качествѣ заложниковъ, на Бланки, который уже два раза былъ выбранъ въ Коммуну, но содержался въ заключеніи въ Клэрво. Еще болѣе обнаружилось это въ языкѣ Тьера; до тѣхъ поръ онъ былъ сдержанъ и двусмысленъ теперь вдругъ сталъ рѣзокъ, дерзокъ и полонъ угрозъ. 3-го Мая пруссаки взяли на южномъ фронтѣ редутъ Муленъ-Сакэ, 9 го — совершенно разрушительной бомбардировкой фортъ Исси, 14-го — Ванвръ. На южномъ фронтѣ они мало по малу заняли многочисленныя, доходящія до самой городской стѣны де-

ревни и мѣстности. 21-го Мая имъ удалось, благодаря измѣнѣ и вслѣдствіе нерадивости національной гвардіи, войти въ городъ. Пруссаки, занимавшіе сѣверные и восточные форты позволили версальцамъ проникнуть въ недоступную для нихъ по условіямъ перемирія, мѣстность на сѣверъ отъ столицы и такимъ образомъ атаковать ее съ той стороны, съ которой она защищена была всего слабѣе, потому что Парижане не ожидали оттуда нападенія. Сопротивленіе въ западной части Парижа, составлявшей собственно городъ роскоши, было слабо; оно становилось тѣмъ сильнѣе и упорнѣе, чѣмъ больше проникали войска въ восточную половину столицы въ собственно рабочій городъ. Лишь послѣ восьмидневной борьбы пали послѣдніе защитники Коммуны на высотахъ Бельвиля и Менильмонтана; теперь достигло апогея продолжавшееся цѣлую недѣлю убійство безоруженныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Усовершенствованное ружье убивало недостаточно быстро; за то мицральезы убивали побѣжденныхъ цѣлыми сотнями за разъ. Le mur des fédérés“ (стѣна бывшихъ между собою въ федераціи защитниковъ Коммуны) на кладбищѣ Père Lachaise“, гдѣ произошло послѣднее массовое избіеніе, донынѣ возвышается какъ нѣмой, но краснорѣчивый свидѣтель того бѣшенства, въ которое способенъ приходить господствующій классъ, какъ только пролетаріатъ отважится вступиться за свое право. За тѣмъ слѣдовали массовые аресты, и такъ какъ стало, наконецъ, невозможно убивать всѣхъ арестованныхъ, то изъ ихъ рядовъ произвольно выбирались и разстрѣливались отдѣльныя жертвы, остальныхъ же отводили въ большой лагерь, гдѣ они должны были ожидать военнаго суда. Прусскія войска, облежавшія Парижъ съ сѣверовостока, получили приказъ не пропускать ни одного бѣглеца, хотя, впрочемъ, офицеры не рѣдко смотрѣли сквозь пальцы, когда солдаты больше повиновались голосу гуманности, чѣмъ военному начальству; своей гуманностью особенно прославился Саксонскій армейскій корпусъ, пропустившій многихъ изъ тѣхъ, которые очевидно были борцами Коммуны.

II.

Если мы теперь, по прошествіи 20-ти лѣтъ, взглянемъ на дѣятельность и историческое значеніе Парижской Коммуны, то мы увидимъ, что надобно прибавить нѣсколько замѣчаній къ сказанному въ брошурѣ „Гражданская война во Франціи“. Члены Коммуны раздѣлялись на двѣ партіи: большинство, къ которому принадлежали бланкисты, господствовавшее также и въ Центральномъ Комитетѣ національной гвардіи, и меньшинство, состоявшее изъ членовъ Международнаго Товарищества Рабочихъ, бывшихъ послѣдователями Прудона. Въ то время бланкисты были въ большинствѣ случаевъ социалистами лишь по чувству, по инстинкту пролетаріевъ; только немногіе изъ нихъ возвысились благодаря Вальну, знакомому съ нѣмецкимъ научнымъ социализмомъ, до болѣе яснаго пониманія вещей. Понятно поэтому, что въ экономическомъ отношеніи Коммуна упустила изъ виду многое изъ того, что по нашимъ теперешнимъ понятіямъ она должна была сдѣлать. Всего труднѣе понять теперь то благоговѣйное понятіе, съ которымъ она остановилась предъ дверьми Банка Франціи. Это было также большой политической ошибкой. Банкъ имѣлъ больше значенія, чѣмъ 10,000 заложниковъ. Его захватъ непременно вызвалъ бы давленіе всей французской буржуазіи на версальское правительство въ интересахъ мира съ Коммуной. Но еще удивительнѣе то обстоятельство, что Коммуна, состоявшая изъ бланкистовъ и прудонистовъ, поступала часто совершенно правильно. Само собою понятно, что за экономическіе декреты Коммуны, за ихъ достоинства, какъ за ихъ недостатки, отвѣтственны прежде всего прудонисты. За политическія же ея дѣйствія и распоряженія — бланкисты. Какъ это бываетъ всегда когда власть попадаетъ въ руки доктринеровъ, и тѣ и

другіе дѣлали по ироніи исторіи, какъ разъ противное тому, что имъ предписывала ихъ школьная доктрина.

Прудонъ, проповѣдывавшій социализмъ мелкаго крестьянства и ремесленниковъ, положительно ненавидѣлъ ассоціацію. Онъ говорилъ, что она заключаетъ въ себѣ больше дурнаго чѣмъ хорошаго, что она бесплодна по своей природѣ, что она даже вредна, какъ всякая цѣпь, наложенная на свободу работника, и что она противорѣчитъ не только этой свободѣ, но и принципу бережливости въ трудѣ; по сравненію съ нею конкуренція, раздѣленіе труда, частная собственность представляютъ собою полезныя экономическія силы. Ассоціація умѣстна лишь въ области крупной промышленности, и крупныхъ средствъ сообщенія, каковы желѣзныя дороги; но эта область составляла, по мнѣнію Прудона, лишь исключеніе. (См. *Idée générale de la Revolution*, 3 étude).

Въ 1871 году крупная промышленность до такой степени перестала быть исключеніемъ даже въ Парижѣ, этомъ центрѣ ремесленнаго производства и изящныхъ издѣлій, что самый важный изъ всѣхъ декретовъ Коммуны предписывалъ такую организацію крупной промышленности и даже мануфактуры, которая, не только предполагала созданіе рабочихъ ассоціацій на каждой данной фабрикѣ, но и должна была объединить всѣ отдѣльныя ассоціаціи въ одинъ большой союзъ. Эта организація, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Марксъ въ „Гражданской Войнѣ“, должна была привести въ концѣ концовъ къ коммунизму, то есть къ прямой противоположности прудонизма. Вотъ почему Коммуна была могилой прудоновской социалистической школы. Эта школа совѣтъ не имѣетъ теперь приверженцевъ во французскихъ рабочихъ кружкахъ: здѣсь безраздѣльно господствуетъ теперь теорія Маркса, — между POSSIBILITYстами такъ же какъ и между „марксистами“. Только между радикальными буржуа еще попадаются теперь прудонисты.

Нѣчто подобное случилось и съ бланкистами. Воспитанные въ заговорщицкой школѣ, привыкшіе къ необходимой при заговорѣ сгрой дисциплинѣ, они исходили изъ того взгляда, что сравнительно небольшое число рѣшительныхъ,

хорошо организованныхъ людей, можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не только захватить власть, но, посредствомъ могучей, безпощадной энергіи, удержать ее въ своихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока имъ удастся вовлечь въ революцію народную массу и сгруппировать ее вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Для такого дѣла нужна была прежде всего строжайшая, диктаторская централизація власти въ рукахъ новаго правительства. Что же дѣлаетъ Коммуна, большинство которой состоитъ изъ бланкистовъ? Во всѣхъ своихъ воззваніяхъ къ провинціямъ, она приглашаетъ всѣ коммуны Франціи къ свободному соединенію съ Парижемъ въ одну національную организацію, такую организацію, которая впервые была бы создана дѣйствительно самой націей. Постоянная армія, политическая полиція, бюрократія, вся эта угнетающая сила существовавшего до тѣхъ поръ централизованнаго правительства, которую создалъ Наполеонъ въ 1798 году и которую съ тѣхъ поръ, каждое новое правительство охотно направляло противъ своихъ враговъ, какъ чрезвычайно удобное орудіе, — должна была повсюду пасть, какъ она уже пала въ Парижѣ.

Коммуна тотчасъ увидѣла, что, разъ достигнувъ власти, рабочій классъ не можетъ пользоваться для своихъ цѣлей старой государственной машиной; она увидѣла, что если этотъ классъ не хочетъ лишиться только что завоеваннаго господства, онъ долженъ съ одной стороны устранивъ весь старый, до тѣхъ поръ направлявшійся противъ него самага, механизмъ угнетенія, а съ другой — обезопасить себя противъ своихъ собственныхъ служащихъ и уполномоченныхъ; эти служащіе и уполномоченные могли быть въ каждое данное время и всѣ безъ исключенія лишены своего званія. Въ чемъ состояла до сихъ поръ характеристическая особенность государства? Путемъ простаго раздѣленія труда общество создало себѣ особые органы для охраненія своихъ общественныхъ интересовъ. Но съ теченіемъ времени эти органы, и во главѣ ихъ государственная власть, служа своимъ частнымъ интересамъ, превратились изъ слугъ общества въ его повелителей. Такое явленіе можно наблюдать не только въ

наслѣдственныхъ монархіяхъ, но и въ демократическихъ республикахъ. Нигдѣ въ мірѣ „политики“ не представляютъ собою до такой степени вліятельной и до такой степени обособленной части населенія, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ каждая изъ двухъ большихъ партій, попеременно достигающихъ господства, въ свою очередь управляется людьми, которые сдѣлали себѣ изъ политики особый гешефтъ и спекулируютъ на мѣста въ законодательныхъ собраніяхъ союза или отдѣльныхъ штатовъ, или находятъ заработокъ въ агитаціи въ пользу своей партіи и вознаграждаются тѣми или другими должностями послѣ ея побѣды. Извѣстно, какъ усиленно старались американцы, въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ свергнуть это невыносимое иго, и какъ они, не смотря на это, все болѣе и болѣе погружались въ болото подкупности. Именно въ Америкѣ мы можемъ лучше всего видѣть, какимъ образомъ государственная власть становится независимой по отношенію къ тому самому обществу, которому она должна была бы служить простымъ орудіемъ. Тамъ нѣтъ династій, нѣтъ дворянства, нѣтъ постояннаго войска, кромѣ кучки солдатъ, наблюдающихъ за индійцами, нѣтъ бюрократіи съ прочными мѣстами и пенсіями. И однако мы видимъ тамъ двѣ большихъ шайки политическихъ спекулянтовъ, которыя попеременно овладѣваютъ властью и эксплуатируютъ ее самыми грязными средствами для самыхъ грязныхъ цѣлей, — а нація остается безсильной передъ этими двумя большими союзами политиковъ, которые, по видимому, находятся у нея въ услуженіи, а на самомъ дѣлѣ грабятъ ее и господствуютъ надъ нею.

Противъ этого превращенія государственныхъ органовъ изъ слугъ общества въ его повелителей, неизмѣнно совершавшагося во всѣхъ донинѣ существовавшихъ государствахъ, Коммуна употребила два непреодолимыхъ средства. Во первыхъ: всѣ должности, учительскія, судебныя, административныя, замѣщались ею путемъ выбора, при чемъ голосовали всѣ тѣ, которые были заинтересованы въ исполненіи данной функціи; эти же заинтересованные имѣли въ каждое данное время право смѣстить своихъ избранниковъ. Во вторыхъ: всѣ служащіе получали жалованье, не

превышающее заработной платы работника. Самый высшій окладъ при Коммунѣ не превышалъ 6000 франковъ. Такимъ образомъ карьеризму и погони за мѣстами былъ положенъ конецъ, даже безъ помощи наказовъ, которые получали представители народа отъ своихъ избирателей, и которые въ сущности были излишни.

Въ третьемъ отдѣлѣ „Гражданской Войны“ обстоятельно описано это разрушеніе старой государственной власти и замѣна ея новою, истинно демократическою. Но мы считали нужнымъ еще разъ обратить вниманіе на нѣкоторые признаки этого явленія, такъ какъ, особенно у нѣмцевъ, предразсудокъ на счетъ государства изъ философскихъ кружковъ проникъ въ общее сознаніе буржуазіи и даже многихъ рабочихъ. Философъ представляетъ себѣ государство какъ „осуществленіе идеи“ или какъ переведенное на философскій языкъ царство божіе на землѣ, какъ область, въ которой господствуетъ или должна господствовать вѣчная истина и справедливость. Изъ этого проистекаетъ суевѣрное почтеніе къ государству и ко всему тому, что такъ или иначе связано съ государствомъ, почтеніе тѣмъ болѣе прочное, что люди уже съ колыбели проникаются убѣжденіемъ въ невозможности удовлетворить общественныя нужды и потребности иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ т. е. посредствомъ государства и его чиновниковъ. Иной воображаетъ себя богъ знаетъ какимъ смѣльчакомъ, когда отдѣляется отъ вѣры въ наследственную монархію и становится приверженцемъ демократической республики. Въ дѣйствительности же государство въ демократической республикѣ не меньше чѣмъ въ монархіи, есть лишь машина для угнетенія одного класса другимъ; въ самомъ лучшемъ случаѣ оно есть зло, которое перейдетъ по наследству къ побѣдоносному въ классовой борьбѣ пролетаріату, и отъ худшихъ сторонъ котораго надо будетъ по примѣру Коммуны какъ можно скорѣе избавиться, въ ожиданіи того времени, когда новое, выросшее въ свободныхъ общественныхъ условіяхъ поколѣніе окончательно сброситъ съ себя всю государственную ветошь.

Въ послѣднее время нѣмецкій филистеръ снова сталъ обнаруживать спасительный ужасъ при словахъ: диктатура пролетаріата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Всмотритесь въ Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетаріата.

Лондонъ,
въ день двадцатой годовщины Коммуны
18 Марта 1891 г.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ВО ФРАНЦИИ.

I.

4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику, которую почти въ ту же минуту вся Франція привѣтствовала единодушнымъ восторгомъ, шайка тщеславныхъ адвокатовъ овладѣла городскою ратушею; ея государственнымъ человѣкомъ былъ Тьеръ, генераломъ — Трошю. Эти люди были проникнуты въ то время такою фанатическою вѣрою въ призваніе Парижа служить представителемъ Франціи во всѣ эпохи историческихъ кризисовъ, что, для оправданія узурпированнаго ими титула правителей Франціи, они сочли достаточнымъ представить свои истекшія уже полномочія на званіе парижскихъ депутатовъ. Во второмъ нашемъ посланіи по поводу франко-прусской войны, черезъ пять дней послѣ возвышенія этихъ людей, мы вамъ объяснили, что они такое. Но Парижъ, захваченный врасплохъ въ ту минуту, когда истинные предводители рабочихъ еще сидѣли въ бонапартовскихъ тюрьмахъ, а пруссаки стремительно шли на него, допустилъ этихъ людей присвоить себѣ государственную власть, но допустилъ подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они употребили эту власть единственно и исключительно на дѣло народной обороны. Защитить Парижъ можно было только вооруживъ его рабочее сословіе, обративъ его въ дѣйствующую военную

силу, научивъ его военному искусству на самой войнѣ. Но вооружить Парижъ значило вооружить революцію. Побѣда Парижа надъ прусскимъ завоевателемъ была бы побѣдою французскаго рабочаго надъ французскимъ капиталистомъ и его государственными паразитами. Поставленное въ необходимость выбирать между національнымъ долгомъ и сословными интересами, правительство народной обороны не задумалось ни на минуту, и превратилось въ правительство народной измѣны.

Первою мѣрою его было отправить Тьера въ странствованіе по всеѣмъ европейскимъ дворамъ выпрашивать у нихъ, какъ милостыни, посредничества, подъ обязательствомъ промѣнять республику на короля. Черезъ четыре мѣсяца послѣ обложія Парижа, оно сочло своевременнымъ заговорить о капитуляціи; Трошю въ присутствіи Жюля Фавра и другихъ членовъ правительства обратился къ парижскимъ мерамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Первый вопросъ, который предложили мнѣ мои сотоварищи вечеромъ же 4 сентября, былъ вопросъ: можетъ ли Парижъ, съ какими нибудь шансами на успѣхъ, выдержать осаду прусской арміи? Я не колеблясь отвѣчалъ на этотъ вопросъ отрицательно. Ссылаюсь на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ здѣсь сотоварищей моихъ; они подтвердятъ вамъ, что я говорю правду и что я постоянно оставался при мнѣніи, высказанномъ тогда имъ мною. Я сказалъ имъ слово въ слово, какъ говорю теперь вамъ, что, при данномъ положеніи дѣлъ, попытка отстоять Парижъ отъ пруссаковъ—чистѣйшее безуміе,—безуміе, конечно, геройское, прибавилъ я, но все таки не болѣе какъ безуміе... Событія (которыми онъ самъ управлялъ) оправдали мои предсказанія.“ Эта милая рѣчь Трошю была напечатана однимъ изъ меровъ, Корбономъ.

И такъ, въ самый вечеръ дня провозглашенія республики сотоварищамъ Трошю было извѣстно, что „планъ“ Трошю состоитъ въ капитуляціи Парижа. Если бы народная оборона не была простымъ предлогомъ для личнаго господства Тьера, Фавра и К^о, выскочки 4 сентября, 5-го же сложили бы съ себя власть, посвятили бы па-

рижское населеніе въ „планъ“ Трошю и предложили бы народу или сдаться немедленно, или взять свою судьбу въ собственныя руки. Но безчестные обманщики предпочли излечить Парижъ отъ его „геройскаго безумія“ голодомъ и кровью, а пока проводили его за носъ веле-рѣчивыми прокламаціями. „Трошю, губернаторъ Парижа, никогда не капитулируетъ!“ гласила одна изъ этихъ прокламацій. „Министръ иностранныхъ дѣлъ, Жюль Фавръ, никогда не уступитъ ни одной пяди земли, ни „одного камня крѣпостей.“ И между тѣмъ, въ письмѣ къ Гамбеттѣ, тотъ же Жюль Фавръ признавался, что они „защищаются“ не отъ прусскихъ солдатъ, а отъ *парижскихъ рабочихъ*. Во все время осады бонапартистскіе разбойники, которымъ предусмотрительный Тьеръ ввѣрилъ начальство надъ парижской арміей, нагло глумились въ своей конфиденціальной перепискѣ надъ этимъ посмѣшищемъ обороны, тайна которой была имъ открыта. За доказательствами нечего ходить далеко: стоитъ только заглянуть въ опубликованную коммуною переписку Альфонса Симона Гю, главнокомандующаго парижской артиллеріей, кавалера ордена почетнаго легіона, съ Сюзанномъ, артиллерійскимъ дивизионнымъ генераломъ. 28 января 1871 г. они наконецъ сбросили съ себя маску. Со всѣмъ геройствомъ глубочайшаго самоуниженія правительство народной обороны явилось въ дѣлѣ капитуляціи Парижа правительствомъ Франціи, состоящимъ въ плѣну у Бисмарка, — роль столь гнусная, что самъ Луи Наполеонъ въ Седанѣ не рѣшился разыграть ее. Послѣ 18 марта „капитуляры“, спасаясь бѣгствомъ въ Версаль, въ переполохѣ забыли забрать съ собою документы, свидѣтельствовавшіе объ ихъ измѣнѣ; они остались въ Парижѣ. Чтобы истребить ихъ, говорила коммуна въ одной изъ своихъ прокламацій къ провинціямъ, „эти люди не задумались бы превратить Парижъ въ груды развалинъ, затопленную моремъ крови“.

Къ такой развязкѣ подстрекали многихъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ правительства народной обороны и чисто личныя соображенія.

Вскорѣ по заключеніи перемирія парижскій депутатъ

національного зібрання Мильєр, тепер уже розстріляний по приказанню Жюль Фавра, опублікував цілий ряд підлимих юридических документів, доказувавших, що Жюль Фавр, живи в незаконному брак з женою одного алжирскаго п'яниці, захватилъ себѣ посредствомъ цілаго ряда наглихъ подлогів, которые онъ совершалъ в продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, именемъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей громадное состояніе, обогатившее его, и что в процессѣ, затѣянномъ съ нимъ законными наслѣдниками, онъ не былъ уличенъ в подлогъ только благодаря особому покровительству бонапартовескихъ судовъ. Такъ какъ всѣ лошадиныя силы краснорѣчія не могли ничего подѣлать съ этими сухими юридическими актами, то Жюль Фавр, в первый разъ в своей жизни, предпочелъ не раскрывать рта, выжидая втихомолку взрыва гражданской войны, чтобы бѣшено изругать парижское населеніе шайкой бѣглыхъ каторжниковъ, нагло возставшихъ противъ семьи, религін, порядка и собственности. А между тѣмъ, этотъ самый поддѣльиватель фальшивыхъ документовъ, едва захвативъ власть в свои руки, тотчасъ же послѣ 4 го сентября освободилъ, по чувству братства, Пика и Тальефера, которые даже при имперіи были осуждены за подлогъ по скандальной исторіи съ газетою «l'Etendard». У одного изъ этихъ доблестныхъ мужей, у Тальефера, хватило наглости вернуться в Парижъ во время коммуны, которая его тотчасъ же и заключила в тюрьму. Потому то Жюль Фавр и возвѣстилъ міру съ трибуны національнаго зібранія, что парижане выпустили на свободу всѣхъ каторжниковъ.

Эрнестъ Пикарь, Карлъ Фогтъ правительства народной обороны, который, послѣ тщетныхъ усилій попасть в министры внутреннихъ дѣлъ имперіи, самъ себя произвелъ в министры внутреннихъ дѣлъ республики, — братъ нѣкоего Артура Пикара, выгнаннаго за мошенничество съ парижской биржи (см. донесеніе парижской полицейской префектуры отъ 13 іюля 1837 г.) и уличеннаго на основаніи собственнаго сознанія в кражѣ 300,000 фр., совершеной имъ в бытность его директо-

ромъ своей газеты «l'Electeur libre». Официальная ложь этой министерской газеты вводила въ заблужденіе массу биржевыхъ спекуляторовъ, а Артуръ Пикаръ поминутно бывалъ съ биржи въ министерство и изъ министерства на биржу, спекулируя тамъ на пораженія французскихъ армій. Вся дѣловая переписка этихъ достойныхъ братцевъ попала въ руки коммуны.

Жюль Ферри, бывший до 4-го сентября нищимъ адвокатомъ, счумѣлъ соорудить себѣ во время осады въ качествѣ мера Парижа состояніе на счетъ голода столицы. День, въ который ему придется отдать отчетъ въ своемъ управленіи, будетъ днемъ его осужденія.

Такіе люди могли найги себѣ «tickets-of-leave»*) только на развалинахъ Парижа; они вполне удовлетворяли цѣлямъ Бисмарка. Карты были слегка подтасованы и Тьеръ, до сихъ поръ втайнѣ руководившій правительствомъ, сталъ вдругъ во главѣ его, а ticket-of-leave-men'ы попали въ министры.

Тьеръ, этотъ карликъ-чудовище, воплощавшій въ себѣ всю сословную испорченность буржуазіи, держалъ ее подъ вліяніемъ своихъ чаръ въ продолженіе болѣе полу-столѣтія. Будучи еще не государственнымъ человѣкомъ, а простымъ историкомъ, онъ доказалъ уже свое мастерство во лжи. Біографія его, какъ общественнаго дѣятеля, есть исторія бѣдствій Франціи. Другъ республиканцевъ до 1830 г., онъ при Луи Филиппѣ купилъ себѣ министерскій портфель измѣной своему покровителю Лафитту. Къ королю онъ счумѣлъ подольститься подстрекательствомъ черни противъ духовенства,—подстрекательствомъ, послѣдствіемъ котораго было разграбленіе церкви С.-Жерменъ Локсерруа и архіепископскаго дворца, — и отношеніями своими къ герцогинѣ Беррійской, при которой онъ исправлялъ должность министра-шпіона и тюремщика-акушера. Рѣзня республиканцевъ въ улицѣ Транспоненъ,

*) Въ Англіи преступникамъ даютъ иногда по отбытіи ими большей части срока наказанія отпускные билеты, съ которыми они могутъ жить на свободѣ, но подъ надзоромъ полиціи. Такіе билеты называются tickets-of-leave, а владѣльцы ихъ — ticket-of-leave-men.

гнусные сентябрьскіе законы противъ печати и права сходакъ были его дѣломъ. Въ 1840 г. онъ выступилъ на сцену уже министромъ-президентомъ и изумилъ всю Францію своимъ проэктомъ укрѣпленія Парижа. На обвиненія республиканцевъ, увидѣвшихъ въ этомъ проектѣ гнусный заговоръ противъ свободы Парижа, онъ отвѣчалъ въ палатѣ депутатовъ :

„Какъ? Вы полагаете, что укрѣпленія могутъ грозить „какой либо опасностью свободѣ? Вы клевете, предполагая, что какое бы то ни было правительство рѣшится „когда нибудь прибѣгнуть къ бомбардировкѣ Парижа, „чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ.... такое правительство послѣ побѣды стало бы во сто разъ невозможнѣе, чѣмъ до нея.“ Дѣйствительно, никакое правительство не рѣшилось бы бомбардировать Парижъ съ фортовъ, кромѣ правительства, которое предварительно сдало эти форты пруссакамъ.

Когда въ январѣ 1848 г. король Бомба сталъ учить повиновенію Палермо, Тьеръ, не бывшій уже въ то время министромъ, произнесъ въ палатѣ депутатовъ слѣдующую рѣчь : „Милостивые государи, вамъ извѣстно, что прои- „ходить въ Палермо. Вы всѣ содрогаетесь (въ парламент- „скомъ смыслѣ этого слова) отъ ужаса при извѣстіи, что „въ теченіе 48 часовъ многолюдный городъ былъ под- „вергнутъ бомбардировкѣ. И кѣмъ? Чужеземнымъ непріятелемъ, воспользовавшимся правомъ войны? Нѣтъ, милостивые государи, собственнымъ правительствомъ. И за „что ! За то, что несчастный городъ требовалъ своихъ „правъ. За требованіе своихъ правъ онъ подвергся 48 „часовой бомбардировкѣ... Я аппелирую къ общественному „мнѣнію Европы. Я полагаю, что заклеить съ величай- „шей изъ трибунъ словами (да, дѣйствительно словами) „негодованія такіа дѣйствія, значитъ оказать услугу че- „ловѣчеству. Когда регентъ Эспартеро, оказавшій услуги „своей родинѣ (въ чемъ Тьеръ-то уже ни мало не повиненъ), вознамѣрился бомбардировать Барселону для по- „давленія вспыхнувшего тамъ возстанія, со всѣхъ концовъ „свѣта поднялся общій крикъ негодованія.“ Полтора года спустя Тьеръ находился въ числѣ самыхъ рьяныхъ по-

борниковъ бомбардировки Рима французской арміей. Какъ кажется, ошибка короля Бомба состояла только въ томъ, что онъ удовольствовался лишь 48 часами бомбардировки.

За нѣсколько дней до февральской революціи Тьеръ, наскучивъ удаленіемъ отъ должностей и сопряженныхъ съ нимъ доходцевъ,—чѣмъ онъ былъ обязанъ Гизо,— и чуя въ воздухѣ приближеніе народной бури, объявилъ въ палатѣ депутатовъ тѣмъ напыщеннымъ, ходульнымъ слогомъ, который заслужилъ ему прозвище «Mirabeau-mouche» (Мирабо-муха): „Я принадлежу къ партіи революціи не только во Франціи, но и въ цѣлой Европѣ. Я желаю бы, чтобы революціонное правительство оставалось въ рукахъ людей умѣренныхъ..... но, если бы оно попало въ руки людей пылкихъ; мало того, въ руки радикаловъ, я не отступилъ бы изъ за этого отъ моего дѣла. Я принадлежу и всегда буду принадлежать къ партіи революціи.“

Февральская революція разразилась. Въмѣсто того, чтобы замѣстить министерство Гизо министерствомъ Тьера, на что карликъ сильно разчитывалъ, она вытѣснила Луи Филиппа и провозгласила республику. Въ первый день народнаго торжества онъ старательно прятался, забывая, что презрѣніе рабочихъ спасло бы его отъ ихъ ненависти. По своей испытанной храбрости онъ избѣгалъ арены общественной дѣятельности, пока іюньская рѣзня не расчистила ему поля для подвиговъ. Тогда онъ сталъ во главѣ „партіи порядка“ съ ея парламентскою республикою, этимъ анонимнымъ междуцарствіемъ, въ продолженіе котораго всѣ фракціи господствующаго сословія конспирировали другъ съ другомъ съ цѣлью поработенія народа, и другъ противъ друга съ цѣлью возстановленія монархіи по своему вкусу. И тогда, какъ и нынче, Тьеръ обвинялъ республиканцевъ въ томъ, что они служатъ единственнымъ препятствіемъ къ установленію республики на прочныхъ основаніяхъ; и тогда, какъ и нынче, онъ говорилъ республикѣ, какъ палачъ донъ-Карлосу: „Я убью тебя для твоего же блага“. И нынче, какъ и тогда, онъ воскликнетъ на утро послѣ своей побѣды: „l'Empire est fait“ (имперія готова). Не смотря на свои лицемѣрные

возгласы о „необходимыхъ правахъ“, не смотря на личную ненависть къ Луи Бонапарту, который надругался надъ нимъ и вышвырнулъ вонъ парламентаризмъ, — а въ искусственной атмосферы парламентаризма этотъ человекъ превращается въ ничто: онъ это хорошо понимаетъ, — не смотря на все это, говоримъ мы, Тьеръ участвовалъ во всѣхъ позорныхъ дѣяніяхъ второй имперіи, начиная отъ запятія Рима французскими войсками и до войны съ Пруссіей; къ этой войнѣ онъ подстрекалъ своими неистовыми нападка на германское единство, въ которомъ онъ видѣлъ не маску для прусскаго деспотизма, а посягательство на наследственное право Франціи на разьединенность Германіи. Въ то время, какъ этотъ карликъ, заслужившій себѣ въ исторіи прозвище чистильщика сапогъ Наполеона I, потрясалъ своими крохотными руками, передъ лицомъ всей Европы, наполеоновскимъ мечемъ, внѣшняя политика его постоянно, начиная отъ лондонской конвенціи 1841 г. до парижской капитуляціи 1871 г., приводила къ полнѣйшему униженію Франціи и довела ее, наконецъ, до гражданской войны, когда онъ съ высочайшаго разрѣшенія Бисмарка натравилъ на Парижъ седанскихъ и мецкихъ плѣнниковъ. Не смотря на всю гибкость своего таланта и всю измѣнчивость своихъ стремленій, этотъ человекъ былъ въ теченіе всей своей жизни самымъ закоснѣлымъ рутинеромъ. Движенія, происходящія въ самомъ сердцѣ современнаго общества, останутся навсегда непроницаемой тайной для него; мало этого, его мозгъ, вся сила котораго ушла въ языкъ, не въ состояніи переварить самыхъ простыхъ измѣненій, совершающихся на поверхности общества. Такъ онъ клеймилъ, какъ святотатство, всякое уклоненіе отъ устарѣлой французской протекціонистской системы. Въ бытность свою министромъ при Луи Филиппѣ онъ издѣвался надъ желѣзными дорогами, какъ надъ порожденіемъ поврежденнаго ума; находясь въ рядахъ оппозиціи при Луи Бонапартѣ, онъ клеймилъ именемъ оскверненія святыни всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему.

Ни разу во все продолженіе своей безконечной полити-

ческой карьеры онъ не погрѣшилъ ни одною, мало мальски практически полезною мѣрою. Онъ былъ послѣдователемъ только въ своей жадности къ богатству и ненависти къ людямъ, которые создаютъ это богатство. Бѣдный, какъ левъ, вступилъ онъ въ первый разъ въ управление министерствомъ при Луи Филиппѣ, а оставилъ это министерство милліонеромъ. Во время послѣдняго управленія его министерствомъ при эгомъ королѣ (съ 1 марта 1840) его обвинили въ палатѣ депутатовъ въ растратѣ казенныхъ денегъ; онъ отвѣчалъ на эти обвиненія слезами, — товаръ очень дешевый у него, какъ у Жюль Фавра и у любого другого крокодила. Въ Бордо первую попытку его спасти Францію отъ грозившаго ей банкротства было назначить себѣ 3 мил. содержанія въ годъ; это было первымъ и послѣднимъ словомъ той „экономной республики“, идеалъ которой онъ рисовалъ въ манифестѣ къ своимъ парижскимъ избирателямъ въ 1869 г. Одинъ изъ его соговорищъ въ палатѣ 1830 г. самъ капиталистъ — что не помѣшало ему, однако, быть самоотверженнымъ сторонникомъ парижской коммуны — Белэ, говорилъ Тьеру въ одной изъ своихъ прокламаций: „Порабощеніе труда капиталу было постоянно краеугольнымъ камнемъ вашей политики. Съ тѣхъ поръ, какъ въ парижской городской рагушѣ утвердился республика труда, вы неутомимо кричите Франціи: Вотъ они преступники!“ — Мастеръ мелкаго государственного надувательства, виртуозъ клятвопреступничества и предательства, искусившійся во всѣхъ пошлыхъ военныхъ хитростяхъ, подлыхъ уловкахъ, и низкомъ коварствѣ парламентской борьбы партій; вѣчно готовый устроить революцію, какъ только потеряетъ должность, и затопитъ ее въ крови, какъ только вновь захватитъ власть въ свои руки; надѣянный вмѣсто идей словесными предразсудками, вмѣсто сердца тщеславіемъ; столь же гнусный въ частной жизни, какъ подлый въ общественной, онъ даже и теперь, разыгрывая роль французскаго Уиллы, не можетъ удержаться, чтобы не отгѣнить гнусность своихъ поступковъ своею жалкою напыщенностью.

Капитуляція Парижа, предавшая въ руки Пруссіи не

только Парижъ, но и всю Францію, заключила собою рядъ вѣроломныхъ интригъ съ непріятелемъ, начатыхъ узурпаторами 4 сентября, по словамъ самого Трошю, въ самый день захвата ими власти въ свои руки. Съ другой стороны, эта капитуляція послужила сигналомъ къ гражданской войнѣ, которую они задумали объявить республикѣ и Парижу, заручившись поддержкою пруссаковъ. Ловушка была разставлена въ самомъ текстѣ капитуляціи. Болѣе трети страны находилось въ рукахъ непріятеля, столица была отрѣзана отъ провинцій, пути сообщенія повреждены. При такомъ положеніи дѣлъ выбрать людей, которые были бы дѣйствительными представителями Франціи возможно было не иначе, какъ послѣ продолжительной подготовки. Потому-то именно въ капитуляціи и былъ установленъ недѣльный срокъ для выборовъ въ національное собраніе, такъ что въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи извѣстіе о предстоящихъ выборахъ было получено наканунѣ самаго дня выборовъ. Далѣе, въ силу одной изъ статей той же капитуляціи собраніе должно было быть избрано единственно для рѣшенія вопроса о мирѣ и войнѣ, а, въ случаѣ нужды, и для заключенія мирнаго трактата. Народъ долженъ былъ почувствовать, что условія перемирія дѣлали невозможнымъ продолженіе войны и что для утвержденія мира, предписаннаго Бисмаркомъ, худшіе люди Франціи окажутся лучшими. Но не довольствуясь этими мѣрами предосторожности и прежде, чѣмъ тайна перемирія была сообщена парижанамъ. Тьеръ предпринялъ избирательную поѣздку по провинціямъ, чтобы нагальванизировать къ жизни легитимистскую партію; эта партія въ соединеніи съ орлеанистами должна была заступить мѣсто бонапартистовъ, невысказанныхъ въ ту минуту. Ея онъ не боялся. Невысказанная, какъ правительство современной Франціи, и потому презрѣнная, какъ соперница — партія эта, вся дѣятельность которой, по словамъ самого Тьера (въ палатѣ депутатовъ 5 января 1853), „послѣдственно проявлялась въ трехъ формахъ: иноземномъ вторженіи, гражданской войнѣ и анархіи“, представлялась какъ нельзя болѣе сподручнымъ орудіемъ для реакціи. Но легитимисты въ самомъ дѣлѣ увѣровали въ наступле-

ніе ихъ „царства славы“. Дѣйствительно, чужеземные завоеватели опять топтали Францію подъ своими ногами, опять пала имперія, опять Бонапартъ попалъ въ плѣнъ, и они опять воскресли. Очевидно колесо исторіи повернуло назадъ до *Chambre introuvable* 1816 г. Въ республиканскихъ собраніяхъ 1848—1851 г. представителями ихъ служили образованные и искусившіеся въ парламентской борьбѣ вожди; теперь на сцену выдвинулись рядовыя партіи — вся сволочь Франціи.

По открытіи въ Бордо этого собранія „деревенскихъ депутатовъ“ Тьеръ, не удостоивъ ихъ даже парламентскихъ преній, поспѣшилъ объяснить имъ, что они должны немедленно принять предварительныя условія мира, такъ какъ это единственное условіе, подъ которымъ Пруссія дозволитъ имъ начать войну противъ республики и твердыни ея — Парижа. Дѣйствительно, контр-революціи нечего было терять времени. Вторая имперія удвоила государственный долгъ, всѣ большіе города были обременены тяжелыми долгами. Война возвысила въ страшной мѣрѣ пассивъ и неумолимо опустошила источники доходовъ націи. Въ довершеніе бѣдствія прусскій Шейлокъ стоялъ на французской почвѣ, съ своими квитанціями на провіантъ полумилліону солдатъ, съ требованіемъ уплаты контрибуціи въ 5 миллиардовъ и 5 проц. неустойки за просроченные взносы. Кому приходилось расплачиваться? Только путемъ насильственного ниспроверженія республики, люди, присвоившіе себѣ богатство, могли разсчитывать свалить на плечи производителей этого богатства тяжести войны, ими самими вызванной. Неслыханное обвиненіе Франціи подстрекало этихъ патріотовъ — представителей поземельной собственности — завершить, на глазахъ и подъ высокимъ покровительствомъ чужеземнаго завоевателя, внѣшнюю войну войною гражданскою, плантаторскимъ бунтомъ.

Осуществленію ихъ заговора мѣшало одно громадное препятствіе — Парижъ. Обезоруженіе Парижа было залогомъ уснѣха. Потому Тьеръ и обратился къ Парижу съ требованіемъ положить оружіе. Все было пущено въ ходъ, чтобы вывести Парижъ изъ терпѣнія: деревенское

собрание разражалось самыми неистовыми анти-республиканскими воплями; Тьеръ отпуская двусмысленныя замѣчанія на счетъ законности существованія республики; Парижу угрожали обезглавить его и лишить званія столицы Франціи (*décapiter et décapitaliser*); орлеанскіе назначались посланниками; Дюфоръ издавалъ свои законы о неоплаченныхъ въ срокъ векселяхъ и квартирныхъ неустойкахъ, — законы, грозившіе окончательнымъ подрывомъ торговліи и промышленности Парижа; по настоянію Пуйе-Кертъе вводился двухсантимный налогъ на всякій экземпляръ какого бы то ни было изданія; Бланки и Флурансъ были приговорены къ смерти, республиканскія газеты преслѣдовались; національное собрание было переведено въ Версаль; осажденное положеніе, объявленное Паликао и снятое 4 сентября, было возобновлено; герой 2 декабря, Винуа, былъ назначенъ губернаторомъ; жандармъ Валантэнъ — полицейскимъ префектомъ; генералъ іезуитовъ, Орель-де-Паладинъ, — главнокомандующимъ парижской національной гвардіи.

Теперь мы зададимъ г. Тьеру и гг. членамъ правительства народной обороны, его сателлитамъ, одинъ только вопросъ: извѣстно, что г. Тьеръ заключилъ, при посредствѣ своего министра финансовъ, Пуйе-Кертъе, заемъ въ два милліарда, подлежащій немедленной уплатѣ.

Такъ правда или нѣтъ:

1) что это дѣйло было обстроено такимъ образомъ, что нѣсколько сотъ милліоновъ попало въ карманы Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Пуйе-Кертъе, и Жюля Симоа, и

2) что уплата должна была быть произведена только по „умиротвореніи“ Парижа?

Во всякомъ случаѣ крайность была, вѣроятно, самая настоящая, потому что Тьеръ и Жюль Фавръ, забывъ всякій стыдъ, настаивали именемъ Бурдоскаго собранія на занятіи Парижа прусскими войсками. Но это не входило въ расчеты Бисмарка, какъ онъ исторически и во всеуслышаніе повѣдалъ по возвращеніи своемъ въ Германію изумленнымъ франкфуртскимъ филлистерамъ.

II.

Вооруженный Парижъ былъ единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ для контръ-революціоннаго заговора; слѣдовательно Парижъ долженъ былъ быть обезоруженъ. Въ этомъ отношеніи Бордосское собраніе высказалось съ полнѣйшею откровенностью. Если бы яростный ревъ „деревенскихъ депутатовъ“ и не былъ достаточно ясенъ, то отдача Парижа Тьеромъ на нѣжное попеченіе триумвирата изъ декабрьскаго убійцы Винуа, бонапартовскаго жандарма Валантэна и генерала іезуитовъ Ореля-де-Палладина окончательно разсѣяла бы всякое сомнѣніе. Нагло выставляя на видъ истинную цѣль обезоруженія Парижа, заговорщики требовали этого обезоруженія отъ самого Парижа подъ предлогомъ, въ сущности бывшимъ самою вопіющею, самою безстыдною ложью. Артиллерія національной гвардіи, заявлялъ Тьеръ, принадлежитъ государству и потому должна быть ему возвращена. Но дѣло вотъ въ чемъ: Парижъ былъ на сторожѣ съ самаго дня капитуляціи, когда плѣнники, Бисмарка предали ему Францію, выговоривъ для себя значительное количество тѣлохранителей, очевидно съ цѣлью запугать Парижъ. Национальная гвардія переорганизовалась и поручила главное начальство центральному комитету, избранному всею массою національныхъ гвардійцевъ за исключеніемъ кое какихъ лохмотьевъ, оставшихся отъ старой бонапартистской формаціи. Наканунѣ вступленія пруссаковъ въ Парижъ, центральный комитетъ распорядился перевезти на Монмартръ, въ Лавилеттъ и въ Бельвилъ пушки и митральезы, измѣнически оставленные „капитулярами“ въ тѣхъ кварталахъ, которые должны были занять пруссаки. Эта артиллерія была сооружена на суммы, пожертвованныя національной гвардіей. Въ текстѣ капитуляціи 28 января она была официально признана частной собственностью національной гвардіи и въ качествѣ частной собственности исключена изъ общей массы орудій правительства, подле-

жавшихъ выдачѣ побѣдителю. У Тьера не было положительно никакого, даже самаго прозрачнаго предлога, чтобы пачать войну съ Парижемъ, и потому ему пришлось прибѣгнуть къ безстыдной лжи, будто артиллерія національной гвардіи собственность государства.

Требованіе выдачи артиллеріи очевидно должно было быть только прологомъ ко всеобщему обезоруженію Парижа, а слѣдовательно и революціи 4-го сентября. Но эта революція была узаконеннымъ государственнымъ строемъ Франціи. Результатъ этой революціи — республика — была признана побѣдителемъ въ тексгѣ капитуляціи. Послѣ этой капитуляціи она была признана всѣми иностранными державами; ея именемъ было создано національное собраніе. Парижская революція 4-го сентября, революція рабочихъ, была единственнымъ правовымъ основаніемъ Бордоскаго національнаго собранія и его исполнительной власти.

Не будь революціи 4-го сентября, это національное собраніе должно было бы немедленно уступить свое мѣсто законодательному корпусу, избранному въ 1869 году всеобщей подачею голосовъ подъ французскимъ, а не подъ прусскимъ владычествомъ, и вполнѣстгіе насильственно разогнанному революціей. Тьеру съ его ticket-of-leave-менами необходимо было капитулировать, чтобы выхлопотать себѣ охранныя грамоты за подписью Луи Бонапарта, которыя бы избавили ихъ отъ путешествія въ Каэнну. Национальное собраніе съ его полномочіемъ заключить миръ съ пруссаками было ни болѣе ни менѣе, какъ однимъ изъ эпизодовъ этой революціи, истиннымъ воплощеніемъ которой былъ все таки вооруженный Парижъ. — Парижъ, совершившій ее, Парижъ, который ради нея выдержалъ пятимѣсячную осаду со всѣми ужасами голода, Парижъ, который, не смогря на „плантъ“ Трошю, своимъ продолжительнымъ сопротивленіемъ далъ возможность упорной оборонительной войнѣ провинцій. И вотъ теперь этому Парижу приходилось или сложить оружіе, по оскорбительному приказу бордосскихъ бунговщиковъ плантаторовъ, и признать, что революція 4-го сентября была ни болѣе, ни менѣе, какъ простая передача власти

изъ рукъ Луи Бонапарта въ руки его роялистскихъ соперниковъ; или же выступить самоотверженнымъ борцомъ за дѣло Франціи, спасти которую отъ окончательнаго паденія и возродить къ новой жизни было можно только путемъ революціоннаго низверженія всего политическаго и соціальнаго строя, породившаго вторую имперію и достигшаго, подъ ея покровительствомъ, крайней степени гніенія. Парижъ, истощенный пятимѣсячнымъ голодомъ, не колебался ни минуты. Полный геройскаго мужества, онъ рѣшился перенести всю опасность сопротивленія французскимъ заговорщикамъ, не смотря на то, что прусскія пушки все еще грозно глядѣли на него съ его собственныхъ фортовъ. Но изъ отвращенія къ гражданской войнѣ, которая грозила Парижу, центральный комитетъ продолжалъ сохранять исключительно оборонительное положеніе, не смотря ни на вызовы національнаго собранія, ни на дерзкое вмѣшательство исполнительной власти въ его распоряженія, ни на угрожающее стягиванье войскъ въ Парижъ и его окрестности.

Тьеръ завязалъ гражданскую войну, отправивъ Винуа во главѣ толпы полицейскихъ и нѣсколькихъ линейныхъ полковъ въ разбойничью экспедицію на Монмартръ, чтобы неожиданнымъ нападеніемъ захватить артиллерію національной гвардіи. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончилась эта попытка, благодаря сопротивленію національной гвардіи и тому, что войска побратались съ народомъ. Орель-де-Паладинъ напечаталъ бюллетень о побѣдѣ заблаговременно, да и у Тьера уже были готовы афиши, возвышавшія о принятыхъ имъ мѣрахъ къ совершенію государственнаго переворота. Пришлось замѣнить эти бюллетени и афиши воззваніями, сообщавшими о великодушной рѣшимости Тьера оставить національной гвардіи ея оружіе, которое— онъ былъ въ этомъ увѣренъ—она употребитъ на защиту правительства отъ бунтовщиковъ. На 300,000 національныхъ гвардейцевъ нашлось только 300 человекъ, которые отозвались на призывъ крошечнаго Тьера присоединиться къ нему для защиты его отъ самихъ себя. Славная рабочая революція 18-го марта неоспоримо владѣла Парижемъ. Центральный комитетъ былъ ея временнымъ пра-

вительствомъ. Европа, казалось, на минуту призадумалась, действительно ли совершаются передъ ея глазами эти изумительныя государственныя и военныя событія или это только сонъ изъ временъ давно-прошедшихъ.

Съ 18-го марта до вторженія версальскихъ войскъ въ Парижъ, революція пролетаріевъ была такъ чиста отъ всякихъ насилій, которыми изобилуютъ революціи и, въ особенности, контръ-революціи высшихъ классовъ, что враги ея не могли извести на нее никакого другаго обвиненія, кромѣ обвиненія въ казни генераловъ Деконта и Клемана Тома и въ стычкѣ на Вандомскѣй площади.

Бонапартовскій офицеръ, *игравшій* роль въ ночной экспедиціи противъ Монмартра, генераль Деконтъ, четыре раза отдавагъ 81-му линейному полку приказаніе стрѣлять по безоружной толпѣ на площади Pigalle; когда же солдаты отказались исполнить его приказаніе, онъ осыпалъ ихъ самыми площадными ругательствами. Вмѣсто того, чтобы разстрѣливать женщинъ и дѣтей, его собственные солдаты разстрѣляли его самого. Солдатскія привычки, привившіяся къ нимъ въ школѣ враговъ рабочихъ, само собою разумѣется не могли исчезнуть въ нихъ въ ту же минуту, какъ они перешли подъ знамя рабочихъ. Эти же люди разстрѣляли и Клемана Тома.

„Генераль“ Клеманъ Тома, недовольный экс-квартирмейстеръ, завербовался въ послѣдніе годы царствованія Луи Филиппа въ редакцію республиканской газеты „le National“ въ качествѣ отвѣтственнаго болвана (*gérant responsable*, обязаннаго отсиживать въ тюрьмѣ) и бахвал-дуэлиста при этомъ воинственномъ органѣ. Когда послѣ февральской революціи хозяева „National'я“ завладѣли коринномъ правленія, они произвели этого стараго квартирмейстера въ генералы. Это было наканунѣ іюньской бойни, честь которой отчасти принадлежала и ему вмѣстѣ съ Жюлемъ Фавромъ, и въ которой онъ взялъ на себя омерзительную роль палача. Послѣ этого онъ со своимъ генеральствомъ исчезъ съ горизонта и не появлялся уже на немъ до 1-го ноября 1870 г. Наканунѣ этого дня правительство народной обороны дало въ ратушѣ Бланки, Флурансу и другимъ представителямъ рабочихъ, торже-

ственное обѣщаніе передать узурпированную имъ власть въ руки свободно избранной парижской коммуны. Въмѣсто того, чтобы сдержать свое обѣщаніе оно спустило на Парижъ бретонцевъ Трошю, замѣнившихъ теперь коронкальцевъ Бонапарта. Одинъ только генералъ Тамизье отказался замазать свое имя этимъ вѣроломнымъ нарушеніемъ обѣщанія и сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго національной гвардіи. Посаженный на его мѣсто Клеманъ Тома снова сдѣлался генераломъ. Все время, которое онъ пробылъ на этой должности, онъ употребилъ на войну не съ пруссаками, а съ парижской національной гвардіей. Онъ всячески препятствовалъ ея всеобщему вооруженію, направлялъ буржуазные батальоны на рабочіе, устранялъ офицеровъ, враждебныхъ „плану“ Трошю, и распускалъ батальоны пролетаріевъ, клеймя ихъ обвиненіемъ въ трусости, — тѣ самые батальоны, героизмъ которыхъ приводилъ въ изумленіе самыхъ яростныхъ враговъ ихъ. Клеманъ Тома необыкновенно гордился тѣмъ, что ему снова удалось доказать на практикѣ свою личную вражду къ парижскому пролетаріату, — вражду, которую онъ такъ блестяще проявилъ въ іюньской бойнѣ 1848 г. За нѣсколько дней до 18 марта, онъ представилъ военному министру Лефлю свой планъ, какъ „разъ на всегда покончить съ цвѣтомъ парижской сволочи“. Послѣ пораженія Випуа онъ не могъ противустоять искушенію появиться на сценѣ въ качествѣ шпіона изъ любви къ искусству.

Центральный комитетъ и парижскіе рабочіе также отвѣтственны за смерть Клемана Тома и Деконта, какъ принцесса Уэльская за раздавленныхъ въ толпѣ людей при вѣздѣ ея въ Лондонъ.

Мнимая бойня на Вандомской площади беззащитныхъ гражданъ — сказка, о которой Тьеръ со своими „деревенскими депутатами“ упорно умалчивали на національномъ собраніи, и распространеніе которой они поручили лакеямъ европейской журналистики.

„Люди порядка“, парижскіе реакціонеры, затрепетали при извѣстии о побѣдѣ революціи 18-го марта. Для нихъ она была знаменіемъ приближенія народнаго правосудія.

Предъ ними возстали тѣни жертвъ ихъ „порядка“, умерщвленные ими начиная съ іюньскихъ дней 1848 г. до 22 января 1871. Но единственнымъ наказаніемъ имъ былъ ихъ испугъ. Даже полицейскіе не только не были обезоружены и арестованы, какъ это бы слѣдовало, но ворота Парижа широко раскрылись передъ ними для бѣгства ихъ въ Версаль. „Людей порядка“ не только оставили въ покоѣ, имъ дозволили даже укрѣпиться на многихъ сильныхъ позиціяхъ въ центрѣ самого Парижа. Эта сплоскодушность центральнаго комитета, это великодушіе вооруженныхъ рабочихъ, такъ противорѣчащее обычаямъ „партіи порядка“, было сочтено этой партіей признакомъ сознательной слабости. Вотъ почему у нея явился нелѣпый планъ снова попытаться, подъ прикрышкой невооруженной демонстраціи, добиться того, что не удалось Винуа съ его пушками и митральезами.

22 го марта изъ богатѣйшихъ кварталовъ поднялась шумная толпа „фешіонебельныхъ баръ“; въ рядахъ ея были всѣ шелопан (petits crevés), а во главѣ извѣстнѣйшіе выкормыши имперіи въ родѣ Геекерена, Коэтлолона, Анри-де-Пэна и тому подобныхъ. Подъ подлымъ предлогомъ мирной демонстраціи, эта шайка шла втайнѣ вооруженная оружіемъ бандитовъ, обезоруживая и оскорбляя посты и патрули національной гвардіи, встрѣчавшіеся ей на пути. Она вышла изъ улицы Мира на Вандомскую площадь съ криками: „Долой центральный комитетъ! долой разбойниковъ! Да здравствуетъ національное собраніе!“ и бросилась впередъ, чтобы прорваться черезъ линію караульныхъ постовъ и овладѣть главной квартирой національной гвардіи, находившейся за этой линіей. На выстрѣлы изъ револьверовъ имъ отвѣчали установленными приглашеніями разойтись, но когда эти приглашенія остались безъ послѣдствій, генераль національной гвардіи скомандовалъ: „пали!“ *Одного* залпа было достаточно, чтобы разсѣять и обратить въ безпорядочное бѣгство толпу пустоголовыхъ глупцовъ, вообразившихъ, будто одно появленіе „порядочнаго общества“ подѣйствуетъ на парижскую революцію, какъ трубы Іисуса Навина на стѣны Іерихона. Бѣглецы убили двухъ національныхъ

гвардійцевъ и тяжело ранили девятерыхъ (въ томъ числѣ одного члена центрального комитета); вся сцена, на которой разыгрался этотъ подвигъ „партіи порядка“, была усыяна револьверами, кинжалами, палками со стилетами и тому подобными доказательствами „безоружнаго“ характера ихъ „мирной“ демонстраціи. Когда 13-го іюня 1849 г. національная гвардія протестовала противъ разбойническаго занятія французскими войсками Рима дѣйствительно мирной демонстраціей, генералъ „партіи порядка“ того времени, Шангарнье, былъ провозглашенъ національнымъ собраніемъ и, главнымъ образомъ, Тьеромъ спасителемъ отечества за то, что онъ спустилъ со всѣхъ сторонъ на этихъ безоружныхъ людей свои войска, которыя стрѣляли по нимъ, рубили ихъ саблями и топтали копытами своихъ лошадей. Тогда Парижъ объявили въ осадномъ положеніи; Дюфуръ провелъ въ національномъ собраніи рядъ новыхъ репрессивныхъ законовъ; произвели бездну арестовъ, ссылали массами; воцарился терроръ. Нисшіе классы дѣйствуютъ иначе. Центральный комитетъ 1871 года, просто на просто оставилъ безъ вниманія бѣгство героевъ „мирной демонстраціи“, такъ что уже черезъ два дня они могли снова предпринять подъ предводительствомъ адмирала Сессе на этотъ разъ уже *вооруженную* демонстрацію, которая разрѣшилась знаменитымъ бѣгствомъ въ Версаль. Настойчиво уклоняясь отъ гражданской войны, открытой Тьеромъ его ночной экспедиціей противъ Монмартра, центральный комитетъ сдѣлалъ на этотъ разъ роковую ошибку: надо было тогда же немедленно выступить на Версаль — у него не было въ то время достаточныхъ средствъ къ защитѣ — и тогда же разъ навсегда покончить съ конспираціями Тьера и его „деревенскихъ депутатовъ“. Въмѣсто этого „партію порядка“ допустили снова попробовать свои силы во время выборовъ въ коммуну 26-го марта. Въ этотъ день „люди порядка“ такъ и сыпали въ меріяхъ округовъ рѣчами доброжелательства и примиренія, безъ сомнѣнія давая себѣ въ то же время въ душѣ торжественную клятву кроваво отомстить своимъ черезчуръ великодушнымъ побѣдителямъ.

Посмотримъ теперь на обратную сторону медали! Тьеръ

предпринялъ вторую экспедицію противъ Парижа въ началѣ апрѣля. Съ первой партіей плѣнныхъ парижанъ, приведенныхъ въ Версаль, поступили самымъ возмутительнымъ образомъ. Эрнестъ Пикаръ, запустивъ руки въ карманы штановъ, шлялся между рядами ихъ и всячески глумился надъ ними; а жены Тьера и Фавра, окруженные своей женской свитой, рукоплескали гнуснымъ выходкамъ версальской черни. Плѣнныхъ солдатъ линейныхъ полковъ разстрѣливали безъ дальнихъ разговоровъ. Нашъ храбрый другъ генераль Дюваль, литейщикъ, былъ разстрѣлянъ безъ всякаго суда и слѣдствія. Галлифэ, существовавшій на содержаніи у своей жены, такъ безстыдно выставившей на показъ свое тѣло на оргіяхъ второй имперіи, этотъ Галлифэ хвастался въ своей прокламаціи тѣмъ, что распоряжался избіеніемъ, совершеннымъ его стрѣлками надъ отрядомъ національной гвардіи съ капитаномъ и поручикомъ, — отрядомъ, который имъ удалось захватить въ располхъ и обезоружить. Бѣглець Винуа былъ награжденъ Тьеромъ большимъ крестомъ ордена почетнаго легіона за изданіе дневнаго приказа, которымъ онъ предписывалъ разстрѣливать всякаго солдата, захваченнаго въ рядахъ коммунаровъ. Жанпьеръ Демарэ былъ украшенъ орденомъ за то, что измѣннически изрубилъ какъ мясникъ въ куски рыцарски великодушнаго Флуранса, — того самаго Флуранса, который 31 октября 1870 г. спасъ головы членовъ правительства народной обороны. Объ „ободрающихъ подробностяхъ“ этого избіенія Тьеръ съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся на одномъ изъ засѣданій національнаго собранія. Съ надутымъ тщеславіемъ парламентскаго мальчишка-с-пальчикъ, которому позволили разыгрывать роль Тамерлана, онъ отказался признать за бунтовщиками противъ его карлицкаго величія право воюющей стороны и не хотѣлъ соблюдать даже права нейтралитета за ихъ санитарными учрежденіями. Ничего не могло быть отвратительнѣе этой обезьяны, которой дали власть тѣшить свои инстинкты тигра, — обезьяны-тигра, образъ которой нарисовалъ намъ Вольтеръ.

Послѣ декрета коммуны отъ 7-го апрѣля, въ которомъ

она грозила возмездіемъ, объявляя, что признаетъ себя обязанной „защищать Парижъ отъ каннибальства версальскихъ разбойниковъ и требовать око за око, зубъ за зубъ“, Тьеръ нисколько не измѣнилъ своего варварскаго обращенія съ плѣнными; онъ по прежнему издѣвался надъ ними, изрекая въ своихъ бюллетеняхъ, что „никогда огорченный взоръ честныхъ людей не видѣлъ болѣе безчестныхъ лицъ, болѣе гнусной демагогіи“, — т. е. взоръ честныхъ людей въ родѣ Тьера и его ticket-of leave-men'овъ. Однако разстрѣливаніе плѣнныхъ приостановили. Но лишь только Тьеръ и его генералы-десамбральеры узнали, что мѣры возмездія, декретированныя коммуной, были ни болѣе ни менѣе, какъ простой угрозой, оставшейся безъ послѣдствій, что даже шпіоны-жандармы, пойманные въ Парижѣ переодѣтыми въ національныхъ гвардейцевъ, и полицейскіе, схваченные съ зажигательными снарядами, были пощажены, — лишь только они узнали объ этомъ, какъ снова началось разстрѣливанье плѣнныхъ массами и продолжалось уже безостановочно до конца. Дома, въ которые спасались національные гвардейцы, жандармы окружали, обливали петролеумомъ (здѣсь онъ былъ употребленъ въ первый разъ въ этой войнѣ) и зажигали; обгорѣлые трупы ихъ перенесли въпослѣдствіи въ Ambulance de la Presse aux Ternes. Четыре національныхъ гвардейца, принужденные сдаться въ Belle-Epine 25 апрѣля коннымъ стрѣлкамъ, были разстрѣляны одинъ за другимъ капитаномъ стрѣлковъ, достойной креатурой Галлифэ. Одинъ изъ этихъ четырехъ національныхъ гвардейцевъ, Шюфферъ, котораго стрѣлки сочли мертвымъ, доползъ до парижскихъ форпостовъ и засвидѣтельствовалъ объ этомъ фактѣ передъ одной изъ комиссій коммуны. Когда Толэнъ сдѣлалъ запросъ военному министру Лефло по поводу отчета этой комиссій, «деревенскіе представители» заглушили его голосъ своими криками и не позволили Лефло отвѣчать. Было бы оскорбленіемъ для «славной арміи» говорить о ея подвигахъ. Равнодушный тонъ бюллетеней Тьера, сообщавшихъ объ избіеніяхъ штыками сонныхъ коммунаровъ въ Мулэнъ Саке, о разстрѣливаніи въ Клармѣ національныхъ гвардійцевъ массами, оскорбилъ чувствитель-

ность самого лондонскаго Times'a, обыкновенно не отличающагося особенною впечатлительностью. Но было бы смѣшно, если бы мы вздумали пересчитывать всѣ жестокости людей, бомбардировавшихъ Парижъ, людей, явившихся зачинщиками плантаторскаго бунта подъ покровительствомъ чужеземнаго завоевателя. Среди всѣхъ этихъ ужасовъ, Тьеръ забываетъ о своихъ парламентскихъ заявленіяхъ по поводу страшной отвѣтственности, возложенной на его карлицкія плечи, хвастается въ своихъ бюллетеняхъ, что l'Assemblée siège paisiblement (собраніе засѣдаетъ благополучно) и на парадныхъ обѣдахъ то со своими генералами десамбральерами, то съ нѣмецкими принцами доказываетъ, что его пищевареніе ничуть не разстроилось даже тѣнями Леконта и Клемана Тома.

III.

Утромъ 18 марта 1871 г. Парижъ былъ разбуженъ громовымъ крикомъ: «Да здравствуетъ коммуна!» Что же такое эта коммуна этотъ офинксъ, задавшій такую тяжелую работу буржуазнымъ мозгамъ?

«Парижскіе пролетаріи», возвѣстилъ центральный комитетъ въ манифестѣ отъ 18 марта, «видя пораженія и измѣну господствующихъ сословій, поняли, что пробилъ часъ, когда они сами должны спасти страну, взявъ въ свои руки управленіе общесгвенными дѣлами... Они поняли, что на нихъ лежитъ высокій долгъ, что имъ принадлежитъ безусловное право стать хозяевами собственной судьбы и взять въ свои руки правительственную власть.» — Но рабочее сословіе не могло просто на просто вступить во владѣніе уже готовымъ государственнымъ механизмомъ и обратить его на служеніе своимъ собственнымъ цѣлямъ.

Центральная государственная власть со своими вездѣ-сущими органами: регулярной арміей, полиціей, бюрократіей, духовенствомъ, судейскимъ сословіемъ, — органами созданными по плану систематическаго и іерархическаго

дѣленія труда—ведеть свое начало отъ временъ абсолютной монархіи, когда она служила возникавшему буржуазному обществу могучимъ оружіемъ въ борьбѣ его съ феодализмомъ. Но поземельныя и дворянскія прерогативы, мѣстныя привиллеіи, городскія и цѣховыя монополіи и провинціальныя уложенія, — весь этотъ средневѣковой хламъ тормозилъ ея развитіе. Гигантская метла французской революціи XVIII столѣтія вымела весь этотъ мусоръ прошлыхъ вѣковъ и очистила общественную почву отъ послѣднихъ препятствій, мѣшавшихъ возведенію зданія современнаго государства. Это зданіе современнаго государства возвысилось при первой имперіи, порожденной въ свою очередь коалиціонными войнами старой, полуфеодалъной Европы съ новою Франціею. При послѣдующихъ формахъ правленія правительство было подчинено парламентскому контролю, т. е. непосредственному контролю имущихъ классовъ. Съ одной стороны оно превратилось въ разсадникъ колоссальныхъ государственныхъ долговъ и обременительныхъ налоговъ и въ яблоко раздора враждующихъ между собою фракцій и авантюристовъ господствующихъ сословій, которыхъ оно неудержимо привлекало къ себѣ своею административною силой, своими доходами и должностями, которыми оно располагало; съ другой стороны, подъ вліяніемъ экономическихъ измѣненій общества, измѣнился и его политическій характеръ. По мѣрѣ того, какъ прогрессъ современной промышленности развивалъ, расширялъ и увеличивалъ сословную рознь между капиталомъ и трудомъ, государственная власть пріобрѣтала все болѣе и болѣе характеръ общественной силы, направленной къ порабощенію труда, характеръ машины для сословнаго господства. Послѣ каждой революціи, которая представляла собою шагъ впередъ въ сословной борьбѣ, гнетущій характеръ государственной власти проступалъ все рѣзче и рѣзче. Революція 1830 г. передала правительство изъ рукъ поземельныхъ собственниковъ въ руки капиталистовъ, т. е. изъ рукъ косвенныхъ въ руки болѣе непосредственныхъ враговъ рабочихъ. Республиканцы-буржуа, которые, именемъ февральской революціи, овладѣли государственною властью, воспользовались ею,

чтобы устроить іюньскую бойню; рабочему сословію они доказали этою бойнею, что «соціальная» республика есть ничто иное, какъ соціальное порабощеніе ихъ республикою; буржуа же роялистамъ и поземельнымъ собственникамъ, что они могутъ безопасно предоставить буржуа-республиканцамъ заботы и денежныя выгоды управленія. Но послѣ іюньскаго подвига буржуа-республиканцамъ пришлось отступитъ изъ первыхъ въ послѣдніе ряды «партіи порядка», этой коалиціи, образовавшихся изъ всѣхъ соперничающихъ фракцій и партій имущихъ классовъ, объявившихъ теперь открытую войну классамъ производительнымъ. Самою подходящею формою для ихъ совместнаго управленія оказалась парламентская республика съ Луи Бонапартомъ, въ качествѣ президента, во главѣ; это было правительство самаго вопіющаго сословнаго террора, правительство, отличавшееся самымъ наглымъ пренебреженіемъ къ «подлой сволочи». Парламентская республика была, по словамъ Тьера, формою правленія, наименѣе раздѣлявшею различныя фракціи господствующихъ сословій, но за то она разверзла пропасть между этими сословіями и всѣмъ общественнымъ организмомъ, жившимъ внѣ ея рѣдкихъ рядовъ. Преграды, которыя при прежнихъ правительствахъ ставили государственной власти раздоры между этими сословіями, пали съ ихъ примиреніемъ. Въ виду грозящаго возстанія пролетаріата объединившіяся имущія сословія безсовѣстно и нагло пользовались государственной властью, какъ національнымъ оружіемъ капитала противъ труда. Ихъ упорный крестовый походъ противъ массы производителей поставилъ ихъ въ необходимость, съ одной стороны, предоставить исполнительной власти самое широкое право преслѣдованія, съ другой, лишитъ мало по малу свою парламентскую твердыню — національное собраніе — всѣхъ его средствъ обороны противъ исполнительной власти; и исполнительная власть въ лицѣ Луи Бонапарта прогнала ихъ по шеямъ. Вторая имперія явилась естественнымъ результатомъ республики «партіи порядка».

Имперія, которой государственный переворотъ служилъ свидѣтельствомъ о рожденіи, всеобщая подача голосовъ —

санкцією, а сабля — скипетромъ, утверждала, что опирается на крестьянъ, на ту обширную массу производителей, которая не была непосредственно замѣшана въ борьбѣ между капиталомъ и трудомъ. Основываясь на томъ, что поддержала экономическій перевѣсъ имущихъ классовъ надъ рабочимъ сословіемъ, она выдавала себя за спасительницу этихъ классовъ. Въ довершеніе всего она заявляла притязанія на объединеніе всѣхъ сословій воскрешеніемъ обманчиваго призрака національной славы. Дѣйствительно, она была единственною возможною формою правленія въ эпоху, когда буржуазія уже утратила способность управлять народомъ, а рабочее сословіе еще не приобрѣло ее. Весь міръ привѣтствовалъ ее, какъ спасительницу общества. Подъ ея господствомъ буржуазное общество, освобожденное отъ политическихъ заботъ, достигло такой степени развитія, о которой не смѣло и мечтать. Его промышленность и торговля возросли до необъятныхъ размѣровъ; биржевая спекуліція праздновала свои космополитическія оргіи; нищета массъ рѣзко выступала бокъ о бокъ съ наглымъ блескомъ безпутной роскоши, нажитой плутовствомъ и преступленіемъ. Государственная власть, парившая повидимому высоко надъ обществомъ, на самомъ дѣлѣ была самымъ вопіющимъ скандаломъ этого общества, источникомъ его порчи.

Штыки Пруссіи, жаждавшей перенести центръ тяжести этой системы управленія изъ Парижа въ Берлинъ, обнажили всю гнилость этой государственной власти и спасеннаго ею общества. Имперьялизмъ есть самая проституціонная и вмѣстѣ съ тѣмъ кошечная форма государственной власти, которую зарождавшееся третье сословіе создало, какъ орудіе собственнаго освобожденія отъ феодализма, а достигшая своего полнаго развитія буржуазія превратила въ орудіе порабощенія труда капиталу.

Коммуна явилась прямою противоположностью имперіи. Крикъ : да здравствуетъ «соціальная республика», которымъ парижскій пролетаріатъ привѣтствовалъ февральскую революцію, выражалъ собою смутное стремленіе къ республикѣ, которая устранила бы собою не только монархическую форму сословнаго господства, но вообще са-

мое это господство. Коммуна явилась опредѣленной формой этой республики.

Центръ и резиденція старой правительственной власти, социальная точка тяготѣнія французскаго рабочаго сословія, Парижъ, возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ попытки Тьера и его «деревенскихъ депутатовъ» возстановить и увѣковѣчить эту старую правительственную власть, унаслѣдованную отъ имперіи. Парижъ былъ въ состояніи сопротивляться Версалю только потому, что осада освободила его отъ арміи, мѣсто которой заступила національная гвардія, состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ. Это случайное явленіе нужно было превратить въ прочное учрежденіе, и потому первымъ декретомъ коммуны былъ декретъ объ учрежденіи регулярнаго войска и замѣнѣ его вооруженнымъ народомъ.

Коммуна образовалась изъ муниципальных совѣтниковъ, выбранныхъ округами Парижа посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Члены ея были отвѣтственны и смѣняемы. Большинство ихъ состояло, само собою разумѣется, изъ рабочихъ или завѣдомыхъ поборниковъ рабочаго сословія. Коммуна была учрежденіемъ не парламентскимъ, а рабочимъ, и соединяла въ себѣ какъ исполнительную, такъ и законодательную власть. Полиція, служившая до сихъ поръ орудіемъ правительственной власти, была немедленно лишена всѣхъ своихъ политическихъ обязанностей и превращена въ отвѣтственное и смѣняемое во всякое время орудіе коммуны. Та же судьба постигла чиновниковъ и другихъ отраслей управленія. Начиная съ членовъ коммуны и до самыхъ послѣднихъ чиновниковъ, общественныя должности оплачивались заработной платою. Присвоенные высшимъ государственнымъ сановникамъ привилегіи и оклады исчезли вмѣстѣ съ этими сановниками. Общественныя должности перестали быть частною собственностью въ рукахъ креатуръ центральнаго правительства. Не одно только городское управленіе, но и вся инициатива, принадлежавшая государству, перешла къ коммунѣ.

Уничтоживъ регулярную армію и полицію - эти орудія матеріальной силы стараго правительства, коммуна при-

ступила немедленно къ сокращенію власти духовенства— этого орудія умственного порабоженія народа; она декретировала отчужденіе церковныхъ имуществъ и лишеніе церквей и монастырей всѣхъ ихъ доходовъ. Попы были вынуждены вернуться къ скромной жизни частныхъ людей и, по образцу своихъ предшественниковъ-апостоловъ, жить мыслынею вѣрующихъ. Всѣ учебныя заведенія, освобожденныя отъ вмѣшательства церкви и государства, были открыты народу бесплатно. Такимъ образомъ школьное образованіе становилось доступнымъ каждому; мало того, съ науки снимались оковы, наложенныя на нее сословными предразсудками и правительственною властью.

Судьи были лишены той мнимой независимости, которая служила только маскою подчиненности ихъ всѣмъ послѣдовательно смѣнявшимся правительствамъ; каждому изъ этихъ правительствъ они приносили въ свое время присягу на вѣрность. Подобно прочимъ общественнымъ чиновникамъ, они сдѣланы были выборными и смѣняемыми.

Парижская коммуна должна была служить образцомъ всѣмъ большимъ промышленнымъ центрамъ Франціи. Стоило коммунальному порядку вещей водвориться въ Парижѣ и во второстепенныхъ центрахъ, старое центральное правительство и въ провинціяхъ уступило бы мѣсто самоуправленію производителей. Въ краткомъ очеркѣ національной организаціи, который коммуна не имѣла времени разработать во всѣхъ деталяхъ, говорится прямо, что коммуна должна сдѣлаться политической формою самыхъ ничтожныхъ деревушекъ, и что регулярное войско должно быть замѣнено во всей странѣ народной милиціей съ самымъ краткимъ срокомъ службы. Завѣдываніе общими дѣлами всѣхъ сельскихъ общинъ cadaго округа должно было лежать на собраніи уполномоченныхъ, засѣдающемъ въ главномъ городѣ округа, а окружныя собранія должны были въ свою очередь посылать уполномоченныхъ въ національное собраніе, засѣдающее въ Парижѣ; уполномоченные могли быть смѣняемы во всякое время и должны были строго придерживаться инструкцій своихъ избирателей. Немногія, но важныя функціи, оставшіяся еще у центральнаго правительства, должны были быть не

уничтожены, какъ завѣдомо ложно утверждали враги коммуны, а переданы въ руки коммунальныхъ, т. е. строго отвѣтственныхъ чиновниковъ. Коммуна не разрушала, а организовывала единство націи; это единство должно было превратиться въ нѣчто реальное съ уничтоженіемъ государственной власти, выдававшей себя за воплощеніе этого единства, а вмѣстѣ съ тѣмъ претендовавшей стоять независимо и выше націи, на организмъ которой она была только паразитомъ. Отсѣкая тѣ органы старой правительственной власти, которые служили только къ угнетенію народа, коммуна вырывала изъ рукъ этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ея законныя функціи и передавала ихъ отвѣтственнымъ слугамъ общества. Всеобщая подача голосовъ вмѣсто того, чтобы служить народу для выбора черезъ каждые 3 года или 6 лѣтъ какого нибудь члена господствующаго сословія, который бы представлялъ и давилъ его въ парламентѣ, должна была служить народу, организованному въ коммуны, точно такъ, какъ служить индивидуальное право голоса каждому работодателю при присканіи рабочихъ, надзирателей и бухгалтеровъ для своего предпріятія. Известно, что и общества, точно такъ же, какъ и отдѣльныя личности, всегда умѣютъ прискать для своихъ практическихъ предпріятій подходящихъ людей, а если и ошибаются порой, то умѣютъ очень скоро поправить свою ошибку. Съ другой стороны коммуна, по самому духу своему, была враждебна замѣнѣ всеобщей подачи голосовъ іерархическою инвентитурою.

Всѣ новыя историческія формы государственнаго устройства слышутъ обыкновенно снимкомъ съ древнѣйшихъ и уже отжившихъ формъ общественной жизни, на которыя онѣ сколько нибудь походятъ. Такъ и эту новую коммуноу, сломившую современную государственную власть, считали возрожденіемъ средневѣковыхъ коммунъ, которыя предшествовали возникновенію этой государственной власти и легли въ основу ея. — Коммунальное устройство государства было ошибочно принято за попытку замѣнить союзомъ маленькихъ республикъ — мечтою Монгескье и жирондистовъ — то единство великихъ народовъ, которое,

правда, было вызвано къ жизни насиліемъ, но теперь превратилось въ могущественнаго фактора производительности общества.—Антагонизмъ коммуны съ государственною властью былъ ошибочно принятъ за искаженный видъ старой борьбы съ противъ чрезмѣрной централизціи. Особыя историческія условія могли помѣшать въ нѣкоторыхъ странахъ классическому развитію той буржуазной формы правительства, представительницею которой служить Франція, и способствовали возникновенію той формы правленія, которая сохранилась еще до сихъ поръ въ Англіи,—формы, при которой главные центральные государственные органы дополняютъ себя продажными приходскими собраніями, корыстными членами городскихъ совѣтовъ, свирѣпыми попечителями бѣдныхъ въ городахъ и паслѣдственными мировыми судьями въ деревняхъ. Коммунальное устройство, напротивъ, возирагло бы обществу на организмъ всѣ силы, которыя до сихъ поръ поѣдало у него «государство», этотъ паразитъ, питающійся соками общества и мѣшающій ему свободно двигаться. Однимъ этимъ оно способствовало бы уже возрожденію Франціи.

Буржуазія провинціальныхъ городовъ видѣла въ коммунѣ попытку возстановить то господство, которымъ она пользовалась надъ деревнями при Луи Филиппѣ,—господство, вытѣсненное при Луи Бонапартѣ мнимымъ господствомъ деревень надъ городами. На самомъ же дѣлѣ коммуна хотѣла подчинить сельскихъ производителей умственному руководству окружныхъ городовъ и обезпечить имъ въ городскихъ рабочихъ естественныхъ представителей ихъ интересовъ. Самый фактъ существованія коммуны естественно вызывалъ собою мѣстное самоуправленіе, но это мѣстное самоуправленіе не должно было уже служить противовѣсомъ государственной власти, становившейся совершенно излишней. Только какому нибудь Бисмарку, посвящающему всѣ досуги, остающіеся ему отъ интригъ, въ которыхъ на первомъ планѣ неизмѣнно фигурируютъ кровь и желѣзо, своему старому, наиболѣе подходящему къ его умственнымъ способностямъ ремеслу сотрудирика *«Кладдерадача»*, — только такому человѣку

могло придти въ голову, что парижская коммуна стремилась осуществить собою прусское городское устройство, эту каррикатуру на французское городское положеніе 1791 г., которое превращаетъ городскіе совѣты во второстепенныя колеса прусскаго государственно-полицейскаго механизма.

Упразднивъ двѣ величайшія статьи расходовъ: армію и чиновничество, коммуна осуществила собою идеаль всѣхъ буржуазныхъ революцій — дешевое правительство. Самое существованіе ея было отрицаніемъ монархіи, которая, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, служить необходимымъ баластомъ и неизбѣжною личиною сословнаго господства. Коммуна дала республикѣ чисто демократическія основы. Но конечною цѣлью ея не были ни «дешевое правительство», ни «истинная республика»; и то, и другое явилось само собою, какъ нѣчто побочное.

Разнообразныя толкованія, которымъ подверглась коммуна, разнообразныя интересы, которые она выражала собою, доказываютъ, что она была весьма растяжимою государственною формою, тогда какъ всѣ прежнія правительственныя формы страдали узкостью. Тайна ея заключается въ томъ, что она по самому существу своему была правительствомъ рабочаго сословія, результатомъ борьбы между сословіемъ производителей и сословіемъ присвоителей, давно искомой политической формой, подъ которой могло бы совершиться экономическое освобожденіе труда.

Внѣ этого послѣдняго условія коммунальное устройство немислимо, внѣ его оно пустой призракъ. Политическое господство производителей не можетъ существовать рядомъ съ вѣковѣчнымъ социальнымъ рабствомъ ихъ. Поэтому коммуна должна была служить рычагомъ для ниспроверженія экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется кастовое устройство, а слѣдовательно и кастовое господство. Съ освобожденіемъ труда каждый человѣкъ превратится въ рабочаго, и производительный трудъ перестанетъ быть принадлежностью извѣстнаго сословія.

Странно, не смотря на всѣ громкія фразы, не смотря на все, что писалось за послѣдніе 60 лѣтъ

относительно освобожденія труда, стоитъ только рабочимъ гдѣ бы то ни было взять свое дѣло въ собственныя руки, какъ тотчасъ же начинаютъ снова раздаваться хвалебныя гимны поборниковъ современнаго общества съ его двумя полюсами: капиталомъ и рабствомъ заработной платы (поземельные собственники теперь скромно пріютились подъ крылышко капиталистовъ), какъ будто это зиждущееся на капиталѣ общество пребываетъ еще въ состояніи дѣвственной чистоты и непорочности, какъ будто еще не выяснены его противорѣчія, не раскрыты его самообольщенія, не разоблачена его проституціонная консистенція. Коммуна, восклицаютъ они, хочетъ уничтожить собственность, основу всей цивилизаціи! Да, милостивые государи, коммуна хотѣла уничтожить ту сословную собственность, которая обращаетъ трудъ массъ на созданіе богатства немногихъ. Она хотѣла экспроприировать экспроприаторовъ. Она хотѣла превратить индивидуальную собственность въ нѣчто реальное, обративъ орудія производства, почву и капиталъ, служащіе въ настоящее время средствами поработенія и эксплуатаціи труда, въ орудія свободнаго ассоціаціоннаго труда.

Но вѣдь это коммунизмъ, «невозможный» коммунизмъ! Однако же среди господствующихъ сословій нашлись люди—и ихъ не мало—у которыхъ хватило смыслу понять, что настоящее положеніе вещей не можетъ долго просуществовать и они обратились въ настойчивыхъ и краснорѣчивыхъ апостоловъ кооперативнаго производства. А что, если кооперативное производство не останется пустымъ звукомъ и обманчивой мечтою, что, если оно вытѣснитъ капиталистическую систему, что, если ассоціаціи организуютъ національное производство по общему плану, возьмутъ его въ свое завѣдываніе и положатъ конецъ постоянной анархіи и періодическимъ конвульсіямъ — неизбежной судьбѣ всякаго капиталистическаго производства, — что это будетъ, милостивые государи, спрашиваемъ мы васъ, какъ не коммунизмъ, «возможный» коммунизмъ?

Рабочее сословіе не требовало чудесъ отъ коммуны. Оно не пыталось вводить путемъ народныхъ рѣшеній никакихъ установившихся и опредѣленныхъ утопій. Оно

знаетъ, что для того, чтобы освободиться и достигнуть той высшей формы жизни, развитію которой неодолимо препятствуетъ современное общество своимъ экономическимъ строемъ, оно — рабочее сословіе — должно будетъ выдержать долгую упорную борьбу, пережить цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые преобразуютъ совершенно, какъ людей, такъ и самую обстановку ихъ. Оно не стремится къ осуществленію какихъ либо идеаловъ, оно хочетъ только освободить элементы новаго общества, развившіеся въ средѣ самого гниющаго буржуазнаго общества.

Вполнѣ признавая свое историческое призваніе, полное геройской рѣшимости остаться на высотѣ его, рабочее сословіе можетъ отвѣчать улыбкой спокойнаго презрѣнія на пошлую ругань журнальных лакеевъ и на ученное покровительство благонамѣренныхъ буржуа-доктринеровъ, которые изрѣкаютъ свои невѣжественныя стереотипныя общія мѣста, свою кастовую ерунду вѣщимъ тономъ ораторовъ научной непогрѣшимости.

Когда парижская коммуна взяла въ свои руки дѣло революціи, простые рабочіе, впервые осмѣлившіеся посягнуть на власть, привилегію своихъ «естественныхъ начальниковъ» — имущихъ классовъ, — принялись за работу при страшно затруднительныхъ обстоятельствахъ и исполняли ее скромно, добросовѣстно и успѣшно, получая за свой трудъ вознагражденіе, высшій окладъ котораго не превышалъ одной пятой доли оклада, получаемого, по словамъ извѣстнаго авторитета въ наукѣ (профессора Гексли), какимъ нибудь секретаремъ лондонскаго школьнаго совѣта. — Старый міръ стало корчить отъ бѣшенства, едва онъ завидѣлъ надъ городскою ратушею красное знамя, символъ республики труда.

А между тѣмъ это была первая революція, въ которой рабочій классъ былъ открыто признанъ единственнымъ классомъ, способнымъ къ общественной инициативѣ, признанъ массою парижскаго третьяго сословія — мелкими торговцами, ремесленниками, купцами, всѣми ими за исключеніемъ однихъ богатыхъ капиталистовъ. Коммуна спасла ихъ, мудро разрѣшивъ вопросъ, постоянно служив-

щій неизсякаемымъ поводомъ къ раздорамъ въ средѣ самого третьяго сословія, вопросъ о должникахъ и кредиторахъ. Эта масса третьяго сословія участвовала въ 1848 г. въ подавленіи іюньскаго возстанія рабочихъ и непосредственно вслѣдъ затѣмъ была безцеремонно принесена учредительнымъ собраніемъ въ жертву своимъ кредиторамъ. Но не потому только примкнула она теперь къ рабочимъ. Она чувствовала, что ей приходится выбирать одно изъ двухъ: коммуну или имперію, подъ какимъ бы союзомъ она ни явилась. Имперія разорила это третье сословіе въ матеріальномъ отношеніи своею безразсечною тратой общественнаго богатства, покровительствомъ биржевой спекуляціи, поощреніемъ искусственно ускоренной централизаціи капитала и обусловленнаго этой централизаціею обнищанія большей части этого третьяго сословія. Въ политическомъ отношеніи имперія давила его; въ нравственномъ — она возмущала его вольтерьянизмомъ, ввѣряя воспитаніе его дѣтей «невѣжественнымъ патерамъ»; наконецъ, она взорвала его національное чувство, бросившись очертя голову въ войну, которая за все свои опустошенія вознаградила только однимъ — ниспроверженіемъ имперіи. Потому-то послѣ бѣгства изъ Парижа кочующей шайки высшихъ бонапартовскихъ сановниковъ и капиталистовъ, истинная «партія порядка» третьяго сословія выступила на сцену подъ именемъ «Республиканскаго Союза», стала подъ знамя коммуны и защищала ее отъ клеветъ Тьера. Устоитъ ли признательность этой массы третьяго сословія противъ испытаній настоящаго времени — это рѣшитъ будущее.

Коммуна имѣла полное право объявить крестьянамъ: «Наша побѣда ваша надежда!» Одною изъ самыхъ наглыхъ клеветъ, изобрѣтенныхъ Версалемъ и разнесенныхъ по всему свѣту достославными зуавами европейской печати, было утвержденіе, что «деревенскіе депутаты» національнаго собранія были представителями французскихъ крестьянъ. Какъ она естественна, въ самомъ дѣлѣ, эта внезапно вспыхнувшая любовь французскихъ крестьянъ къ людямъ, которымъ они послѣ 1815 г. должны были

заплатить милліардъ вознагражденія! Въ глазахъ французскаго крестьянина самое существованіе крупнаго поземельнаго собственника есть уже посягательство на его пріобрѣтенія 1789 г. Въ 1848 г. буржуа обложили поземельные участки крестьянъ добавочнымъ налогомъ въ 45 сантимовъ на франкъ, но обложили именемъ революціи; теперь тѣ же буржуа затѣяли гражданскую войну противъ революціи, чтобы взвалить на крестьянъ главную тягость 5 милліардной контрибуціи, которую они согласились уплатить пруссакамъ. Коммуна, напротивъ, заявила въ одной изъ первыхъ своихъ прокламацій, что настоящіе виновники войны должны нести и ея бремя. Коммуна освободила бы крестьянина отъ налога крови, дала бы ему дешевое правительство, замѣнила бы его кровопійць — нотаріуса, адвоката, судебного пристава и прочихъ судебныхъ вампировъ, — служащими по найму коммунальными чиновниками, выбираемыми имъ самимъ и передъ нимъ однимъ отвѣтственными. Она освободила бы его отъ произвола полевого сторожа, жандарма и префекта; она замѣнила бы отупляющаго его священника просвѣщающимъ его школьнымъ учителемъ. Французскій крестьянинъ человѣкъ расчетливый. Онъ нашелъ бы вполне разумнымъ, чтобы содержаніе поповъ оплачивалось не суммами, взимаемыми сборщиками податей, а добродетельными даяніями, обусловливаемыми степенью набожности общины. Вотъ какія существенныя блага обѣщало господство коммуны — и только оно одно — французскимъ крестьянамъ. Излишне по этому вдаваться здѣсь въ подробный анализъ тѣхъ болѣе сложныхъ и жизненныхъ вопросовъ, которые только одна коммуна была въ состояніи, мало того, которые она была поставлена въ необходимость рѣшить въ пользу крестьянъ, — вопросовъ объ ипотечномъ налогѣ, который давилъ тяжелымъ бременемъ крестьянское населеніе, о сельскомъ пролетаріатѣ, возрастающемъ съ ужасающею быстротою, и объ отчужденіи крестьянскихъ участковъ, являвшимся прямымъ послѣдствіемъ развитія современной агрономіи помощью капитала, обращеннаго на обработку земли.

Французскій крестьянинъ избралъ Луи Бонапарта пре-

зидентомъ республики, — вторую же имперію создала «партія порядка». Въ 1849 и 50 гг. французскій крестьянинъ началъ показывать, что ему нужно на самомъ дѣлѣ, противопоставляя повсюду своего мера правительственному префекту, своего школьнаго учителя правительственному попу, себя самого правительственному жандарму. Всѣ законы, изданные «партіею порядка» въ январѣ и февралѣ 1850 г. были направлены противъ крестьянъ. Крестьянинъ былъ бонапартистомъ, потому что великая революція, съ тѣми выгодами, которыя она ему принесла, воплощалась для него въ лицѣ Наполеона. Эта иллюзія, почти исчезнувшая при второй имперіи (и по самому существу своему враждебная стремленіямъ «деревенскихъ депутатовъ»), этотъ предрасудокъ прошлого не могъ устоять противъ призыва коммуны, апеллировавшей къ жизненнымъ интересамъ и насущнымъ потребностямъ крестьянъ. «Деревенскіе депутаты» знали какъ нельзя лучше — и этого-то они и опасались болѣе всего — что стоитъ установиться свободному сообщенію между коммунальнымъ Парижемъ и провинціями, и черезъ какіе нибудь три мѣсяца вспыхнетъ поголовное крестьянское возстаніе. Потому-то они такъ трусливо и спѣшили окружить Парижъ полицейскою блокадою, чтобы помѣшать распространенію чумы.

Но, служа истинною представительницею всѣхъ здоровыхъ элементовъ французскаго общества и будучи поэтому правительствомъ дѣйствительно національнымъ, коммуна въ то же время, какъ правительство рабочихъ, какъ смѣлая поборница освобожденія труда, была международной въ полномъ смыслѣ этого слова. На глазахъ прусской арміи, присоединившей къ Германіи двѣ французскія провинціи, коммуна присоединяла къ Франціи рабочихъ всего міра.

Вторая имперія была юбилейнымъ годомъ космополитическаго мошенничества; мазурики всѣхъ странъ стремились на ея зовъ принять участіе въ ея оргіяхъ и въ ограбленіи французскаго народа. Даже и въ настоящую минуту валашскій плутъ Гапеско — правая рука Тьера, а русскій шпіонъ Марковскій — лѣвая. Коммуна предоставила

всѣмъ иностранцамъ честь умереть за безсмертную идею. Въ промежутокъ между виѣшною войною, проигранной благодаря измѣнѣ буржуазіи, и гражданскою войною, благодаря ея заговору съ чужеземнымъ завоевателемъ, эта буржуазія нашла время проявить свой патріотизмъ полицейскою травлею по всей Франціи. Коммуна назначила нѣмца министромъ общественныхъ работъ, Тьеръ буржуазіа, вторая имперія постоянно проводили Польшу громкими заявленіями симпатіи, а на самомъ дѣлѣ предавались Россіи и даже брали на себя выполненіе для Россіи грязной работы. Коммуна почтила геройскихъ сыновъ Польши, поставивъ ихъ во главѣ защитниковъ Парижа. Чтобы рѣзко обозначить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, коммуна передъ лицомъ пруссаковъ-побѣдителей, съ одной стороны, и бонапартовской арміи, предводительствуемой бонапартовскими генералами, съ другой, низвергла колоссальный символъ военной славы — вандомскую колонну.

Великой соціальной реформой коммуны было устройство ея самой, какъ воплощенія идеи рабочаго сословія. Единичныя мѣры, предпринимавшіяся ею, могли только обозначить направленіе, которому естественно слѣдуетъ правительство народа посредствомъ самого народа. Къ числу ихъ принадлежали: запрещеніе ночной работы пекарей; запрещеніе, подѣ страхомъ наказанія, понижать заработную плату, посредствомъ наложенія штрафовъ на рабочихъ подѣ всевозможными предлогами, — обыкновенная уловка работодателей, которые, соединяя въ своемъ лицѣ законодательную, судебную и исполнительную власть, клали вдобавокъ штрафныя деньги себѣ въ карманъ. Другой мѣрой въ томъ же направленіи была передача рабочимъ товариществамъ всѣхъ мастерскихъ и фабрикъ, хозяева которыхъ бѣжали или пріостановили работы, съ предоставленіемъ имъ, однако, права на вознагражденіе.

Финансовыя мѣры коммуны отличались разсчетливостью и умѣренностью, хотя она должна была ограничиться только мѣрами, совмѣстными съ осаднымъ положеніемъ города. Во время управленія Османа, Парижъ былъ такъ обворованъ банкирскими компаніями и предпринимателями

построекъ, что коммуна имѣла, несомнѣнно, гораздо большее право конфисковать ихъ имущества, чѣмъ Луи Бонапартъ имущество Орлеановъ. Гогенцолерны и англійскіе олигархи, значительная часть богатствъ которыхъ составила изъ награбленныхъ церковныхъ имуществъ, были сильно возмущены коммуной, которой конфискація церковныхъ имуществъ доставила всего только 8,000 франк.

Версальское правительство, едва оно успѣло нѣсколько пріободриться и окрѣпнуть, стало употреблять противъ коммуны самыя насильственные мѣры; по всей Франціи оно давило всякое свободное выраженіе мнѣній, запретило даже собраніе делегатовъ большихъ городовъ; оно подвергло Версаль и всю Францію системѣ шпионства, болѣе совершенной, чѣмъ при второй имперіи; руками жандармовъ-инквизиторовъ оно сжигало всѣ издававшіяся въ Парижѣ газеты, вскрывало всѣ письма въ Парижъ и изъ Парижа; національное собраніе встрѣчало малѣйшую попытку сказать слово въ пользу Парижа неистовымъ воемъ, неслыханнымъ даже въ *Chambre introuvable* 1816-го года; не довольствуясь тѣмъ, что вели открыто самую кровавую войну противъ Парижа, версальцы старались втайнѣ проникнуть въ него подкупамъ и заговорами. Могла ли въ такое время коммуна, не измѣняя позорно своему призванію, соблюдать условныя формы либерализма, будто вокругъ царствовалъ глубокій миръ? Если бы правительство коммуны было сродно по духу съ правительствомъ Тьера, то не было бы никакихъ основаній запрещать газеты «партіи порядка» въ Парижѣ, а газеты коммуны въ Версалѣ.

Какъ было не бѣситься «деревенскимъ депутатамъ», когда въ то время, какъ они провозглашали возвращеніе на лоно церкви единственнымъ средствомъ спасенія Франціи, невѣрующая коммуна разоблачала своеобразныя тайны женскаго монастыря *Пикпуса* и церкви св. Лаврентія! Какой ѣдкой сатирой на Тьера, сыпавшаго дождемъ кресты почетнаго легіона на бонапартовскихъ генераловъ за ихъ мастерское умѣнье проигрывать сраженія, подписывать капитуляціи и вертѣть папиросы въ Вилгельмсгезъ, было отношеніе коммуны къ своимъ генераламъ, которыхъ

она смѣняла и арестовывала при малѣйшемъ подозрѣніи въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей! Какою оплеухою поддѣлывателю документовъ Жюлю Фавру, министру иностранныхъ дѣлъ Франціи, продававшему ее Бисмарку и командовавшему несравненнымъ бельгійскимъ правительствомъ, было изгнаніе и арестъ одного изъ членовъ коммуны, вкравшагося въ нее подъ вымышленнымъ именемъ послѣ шестидневнаго ареста въ Ліонѣ за банкротство! Но за то коммуна и не претендовала на непогрѣшимость, какъ всѣ безъ исключенія старыя правительства. Она предавала гласности всѣ свои рѣчи и дѣйствія, она посвящала публику во всѣ свои промахи.

Во всякой революціи бокъ о бокъ съ ея истинными представителями, выдвигаются люди другаго чекана. Это или герои прошлыхъ революцій, сросшіеся съ ними, не понимающіе смысла настоящаго движенія, но пользующіеся большимъ вліяніемъ на народъ по своему гражданскому мужеству и личному характеру или просто по традиціи; или же пустые крикуны, повторяющіе изъ году въ годъ одниѣ и тѣ же стереотипныя нападки на существующее правительство и снискивающіе себѣ этимъ славу революціонеровъ высшей пробы. Такіе люди всплыли наружу и послѣ 18 марта; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они играли даже первостепенную роль и, насколько это отъ нихъ зависѣло, задерживали истинное движеніе рабочаго сословія, и тормозили какъ прежде развитіе всякой революціи. Они — неизбежное зло; освободиться отъ нихъ можно только со временемъ, но этого-то времени и не дали коммуны.

Какимъ-то чудомъ коммуна преобразила Парижъ! Блудный Парижъ второй имперіи исчезъ безслѣдно! Столица Франціи перестала быть сборнымъ пунктомъ британскихъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, ирландскихъ абсентеистовъ, американскихъ экс-рабовладѣльцевъ и выскочекъ, русскихъ экс-помѣщиковъ и валашскихъ бояръ. Ни одного трупа не лежало въ Morgue, не было ни одного ночнаго грабежа, почти ни одной кражи; въ первый разъ съ февраля 1848 года улицы Парижа стали безопасны, хотя на нихъ не появлялось ни одного поли-

цейскаго. «Мы», говорилъ одинъ изъ членовъ коммуны, «не слышимъ болѣе ни объ убійствахъ, ни о грабежахъ, ни о насиліяхъ противъ личности; полиція, какъ кажется, увлекла за собой въ Версаль всѣхъ своихъ консервативныхъ друзей». Кокотки отправились вслѣдъ за своими покровителями, обратившимися въ бѣгство приверженцами религіи, семьи и, главнымъ образомъ, собственности. На сцену снова выступили истинныя парижанки, героическія, великодушныя, самоотверженныя, какъ женщины древняго міра. Парижъ трудящійся, мыслящій, борющійся, истекающій кровью, но сіяющій вдохновеннымъ сознаніемъ исторической инициативы, почти забывалъ о каннибалахъ, стоявшихъ передъ его воротами, весь отдавшій дѣлу закладки основъ новаго общества!

И лицомъ къ лицу съ этимъ новымъ міромъ Парижа стоялъ старый міръ Версаля съ его собраніемъ, вмѣстившемъ въ себѣ отрѣпье всѣхъ отжившихъ системъ—легитимистовъ и орлеанистовъ, алчущихъ запустить когти въ трупъ народа—и цѣлую орду допотопныхъ республиканцевъ, которые своимъ присутствіемъ въ этомъ собраніи поддерживали плантаторскій бунтъ, надѣясь, что тщеславіе стараго арлекина, стоящаго во главѣ правленія, сохранитъ имъ ихъ парламентскую республику, и пародируя 89 г. своими замогильными собраніями въ Jeu de paume (залъ для игры въ мячъ, гдѣ національное собраніе 89 года приняло свои знаменитыя рѣшенія). Это собраніе, этотъ мертвецъ, представлявшій собою всю отжившую Францію, сохранялъ обманчивый призракъ жизни только благодаря саблямъ бонапартовскихъ генераловъ, служившимъ ему подпорою. Парижъ былъ въ эту минуту воплощеніемъ истины, Версаль—воплощеніемъ лжи и лжи, профильтрованной краснорѣчіемъ Тьера.

Тьеръ говорилъ депутаціи меровъ департамента Сены и-Оазы: «вы можете положиться на мое слово, я его *никогда* не нарушалъ». Собранію онъ говорилъ, что «оно самое либеральное и самое свободно-избранное изъ всѣхъ, которыя когда либо имѣла Франція»; своей пестрой солдатчинѣ, что она «чудо міра» и «самая прекрасная изъ армій, какія когда либо имѣла Франція»; провинціямъ, что

бомбардировка Парижа—сказка: «если нѣсколько картечей и упало, то онѣ были брошены не версальской арміей, а инсургентами, которые хотѣли показать, что они сражаются, тогда какъ на самомъ дѣлѣ нигдѣ не смѣли показать носа». Позже онъ говорилъ провинціямъ: «Версальская артиллерія не бомбардируетъ Парижа, она только стрѣляетъ въ него изъ пушекъ». Парижскому архіепископу онъ говорилъ, что всѣ разстрѣливанія и всѣ репрессивныя мѣры (!), приписываемыя версальскимъ войскамъ, чистая ложь. Онъ возвѣстилъ Парижу, что намѣренъ «только освободить его отъ тѣхъ гнусныхъ тирановъ, которые угнетаютъ его» и что коммунальный Парижъ «ни больше, ни меньше, какъ горсть преступниковъ».

Парижъ Тьера не былъ дѣйствительно Парижемъ «подлой толпы»,—онъ былъ фантастическимъ Парижемъ, Парижемъ шулеровъ, Парижемъ бульварныхъ героев обоого пола, богатымъ, раззолоченнымъ, празднымъ Парижемъ капиталистовъ, — Парижемъ, который теперь съ своими лакеями, съ своими литературными цыганами, съ своими кокотками толпился въ Версалѣ, Сентъ-Дени, Рюэлѣ и С.-Жерменѣ, для котораго междоусобная война была только пріятною интермедіей, который любовался битвою въ подзорную трубу, считалъ пушечные выстрѣлы и клялся своею честью и честью своихъ публичныхъ женщинъ, что спектакль тутъ гораздо лучше аранжированъ, чѣмъ въ театрѣ Porte St-Martin. Вѣдь убитые были въ самомъ дѣлѣ убиты, крики раненныхъ не были поддѣльные и драма, которая разыгрывалась передъ нимъ, была драма всемірно-историческая.

Таковъ былъ Парижъ Тьера, точно такъ же, какъ кобленцкая эмиграція была Франціей де-Калона.

IV.

Первая попытка плантаторскаго заговора покорить Парижъ помощью занятія его прусскими войсками не удалась влѣдствіе отказа Бисмарка. Вторая попытка, 18-го

марта, кончилась пораженіемъ арміи и бѣгствомъ правительства въ Версаль, куда за нимъ послѣдовала вся администрація. Подъ маской мирныхъ переговоровъ съ Парижемъ, Тьеръ выигрывалъ время для приготовленій къ войнѣ съ нимъ.

Но откуда же было ему взять армію? Остатки линейныхъ батальоновъ были малочисленны, настроеніе ихъ сомнительно; настоятельныя воззванія Тьера къ провинціямъ помочь Версалью національной гвардіей и волонтерами встрѣтили рѣзкій отказъ. Одна только Бретань выслала горсть шуановъ, которые сражались подъ бѣлымъ знаменемъ, съ христовымъ сердцемъ въ бѣлой тряпочкѣ на груди; боевой крикъ ихъ былъ: «да здравствуетъ король!» Такимъ образомъ Тьеру удалось собрать на скорую руку только пеструю шайку, состоявшую изъ матросовъ, морскихъ солдатъ, папескихъ зуавовъ, валантэновскихъ жандармовъ, полицейскихъ Піетри и mouchar'овъ (шпіоновъ). Эта армія была бы до смѣшнаго ничтожна безъ прибывавшихъ мало-по-малу имперіалистскихъ военнопленныхъ, которыхъ Бисмаркъ отпускалъ взамѣнъ прусскихъ пленныхъ въ такомъ количествѣ, чтобы, съ одной стороны, возможно было начать междоусобную войну, а съ другой, чтобы держать Версаль въ пресмыкающейся зависимости отъ Пруссіи. Въ теченіи самой войны, версальская полиція должна была наблюдать за версальской арміей, а жандармы должны были постоянно увлекать эту армію, становясь на самые опасные посты. Форты, которые пали, были не взяты, а куплены. Геройская храбрость коммунаровъ доказала Тьеру, что сопротивленіе Парижа ему не преодолѣть ни своимъ стратегическимъ гениемъ, ни тѣмъ количествомъ штыковъ, которое было въ его распоряженіи.

Между тѣмъ отношенія его къ провинціямъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Въ Версалѣ не былъ полученъ ни одинъ сочувственный адресъ, который могъ бы хотя нѣсколько ободрить Тьера и «деревенскихъ депутатовъ». Напротивъ, со всѣхъ сторонъ стекались депутаціи и приходили адреса, требовавшіе въ далекомъ непочтительномъ тонѣ примиренія съ Парижемъ, на

основаніи недвусмысленнаго признанія республики, утвержденія коммунальных вольностей и распушенія національнаго собранія, срокъ полномочія котораго уже истекъ. Эти депутаціи и адреса появлялись въ такомъ громадномъ количествѣ, что Дюфоръ, тьеровскій министръ юстиціи, въ циркулярѣ своемъ отъ 23 апрѣля приказалъ государственнымъ прокурорамъ считать «воззваніе къ примиренію» преступленіемъ. Въ виду такой безнадежной перспективы, которую открывалъ ему его доходъ, Тьеръ рѣшилъ перемѣнить тактику и предписалъ на 30 апрѣля муниципальные выборы для всей страны на основаніяхъ новаго муниципального закона, навязаннаго имъ національному собранію. Дѣйствуя то интригами своихъ префектовъ, то угрозами своей полиціи, онъ былъ вполне убѣжденъ, что выборы въ провинціяхъ дадутъ національному собранію нравственную силу, которой оно никогда не имѣло, и что провинціи дадутъ ему матеріальную силу, необходимую для покоренія Парижа.

Свою разбойничью войну противъ Парижа, воспѣтую въ его собственныхъ бюллетеняхъ, и попытки своихъ министровъ возстановить новое господство террора во всей Франціи, Тьеръ счелъ нужнымъ дополнить маленькой комедіей примиренія, которая имѣла въ виду достиженіе нѣсколькихъ цѣлей: она должна была обмануть провинціи, привлечь парижскую буржуазію и, главное, дать мнимымъ республиканцамъ національнаго собранія возможность замаскировать довѣріемъ къ Тьеру свою измѣну относительно Парижа. 21 марта, когда Тьеръ не имѣлъ еще арміи, онъ объявилъ національному собранію: «Будь что будетъ, а я не пошлю войска въ Парижъ». 27 марта онъ заявилъ: «я засталъ республику совершившимся фактомъ и твердо рѣшился охранять ее.» На самомъ же дѣлѣ именемъ республики онъ подавлялъ революцію въ Ліонѣ и Марселѣ, а его «деревенскіе депутаты» въ Версалѣ, слышавъ одно слово республика, заглушали его неистовымъ воемъ. Послѣ этого, совершившійся фактъ, онъ низвелъ на степень предполагаемаго факта. Орлеанскіе принцы, которыхъ онъ изъ осторожности выпроводилъ изъ Бордо, теперь, дерзко нарушая законъ, открыто

интриговали въ Дре. Уступки, которыя Тьеръ сулилъ въ своихъ безконечныхъ совѣщаніяхъ съ парижскими и провинціальными делегатами — какъ онѣ ни мѣнялись постоянно въ тонѣ и цвѣтѣ — въ концѣ концовъ всегда сводились къ тому, что его масть ограничится «тою горстью преступниковъ, которые участвовали въ убійствѣ Клемана Тома и Леконта». При этомъ, конечно, всегда подразумевалось условіе, что Парижъ и Франція признаютъ самого Тьера лучшею республикою, какъ онъ призналъ въ 30 г. лучшею республикою Луи-Филиппа. Даже эти уступки становились сомнительными вслѣдствіе тѣхъ официальныхъ толкованій, которыя давали имъ его министры въ національномъ собраніи; но, не довольствуясь этимъ, онъ еще предоставилъ себѣ дѣйствовать руками Дюфора.

Дюфоръ, этотъ старый орлеанистскій адвокатъ, постоянно игралъ роль верховнаго судьи во время осаднаго положенія, какъ теперь въ 1871 при Тьерѣ, такъ и въ 1839 году при Луи-Филиппѣ, и въ 1849 году во время президентства Луи Бонапарта. Когда онъ не былъ министромъ, онъ обогащалъ себя, защищая парижскихъ капиталистовъ, а нападая на законы, имъ же самимъ изданные, онъ пріобрѣлъ себѣ репутацію политическаго дѣятеля. Ему было мало, что онъ выпустилъ чрезъ національное собраніе рядъ репрессивныхъ законовъ, которые въ случаѣ паденія Парижа должны были искоренить послѣдніе остатки республиканской свободы, — онъ предрѣшилъ участь Парижа: дѣлопроизводство военныхъ судовъ казалось ему черезчуръ длинной процедурой, — онъ ее сократилъ и издалъ новоиспеченный драконовскій законъ о ссылкѣ. Революція 48 года, уничтоживъ смертную казнь за политическія преступления, замѣнила ее ссылкой. Луи Бонапартъ не осмѣлился возстановить гильотину, по крайней мѣрѣ, открыто высказаться за нее. Версальское собраніе, еще недостаточно смѣлое для того, чтобы намекнуть даже, что парижане не бунтовщики, а разбойники, должно было пока ограничиться въ своей задуманной мести противъ Парижа новымъ дюфоровскимъ закономъ о ссылкѣ. При такомъ положеніи дѣлъ Тьеру и невозможно было продолжать свою комедію примиренія, если бы даже она не

вызвала яростныхъ криковъ—а ихъ то онъ и добивался— «деревенскихъ депутатовъ», тупоуміе которыхъ не могло понять ни игры его, ни необходимости лицемѣрія, при-творства и сдержанности.

Въ виду предстоящихъ муниципальных выборовъ 30 апрѣля, Тьеръ 29 апрѣля разыгралъ одну изъ своихъ умилительныхъ сценъ примиренія; среди цѣлаго потока сантиментальныхъ фразъ, онъ съ трибуны воскликнулъ: «Единственный заговоръ, который существуетъ противъ республики — парижскій заговоръ, принуждающій насъ проливать французскую кровь. Но я повторяю еще и еще разъ: пусть выпадетъ нечестивое оружіе изъ рукъ тѣхъ, которые подняли его, и мы остановимъ мечъ правосудія и заключимъ мирный договоръ, изъ котораго будетъ исключена только горсть преступниковъ». На бѣшенныя крики «деревенскихъ депутатовъ», прерывавшихъ его рѣчь, онъ отвѣчалъ: «скажите мнѣ, гг., прошу васъ убѣдительно, неужели я не правъ? Неужели вамъ дѣйстви-тельно жаль, что я могъ сказать по справедливости, что преступниковъ только горсть? Неужели среди всѣхъ на-шихъ бѣдствій вы не назовете счастіемъ, что люди, ко-торые были способны пролить кровь Леконта и Клемана Тома, только рѣдкое исключеніе?»

Однако Франція оставалась глуха къ рѣчамъ Тьера, не смотря на то, что онъ считалъ ихъ пѣніемъ сирены. На 700,000 муниципальных совѣтниковъ, выбранныхъ въ оставшихся за Франціей 35,000 общинахъ, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты сообща не могли прове-сти болѣе 8,000 своихъ приверженцевъ. Результаты до-полнительныхъ выборовъ оказались еще враждебнѣе пра-вительству Тьера. Національное собраніе не только не получило необходимой ему матеріальной поддержки отъ провинцій, но даже потеряло послѣдній признакъ прав-ственной силы: право служить выраженіемъ всеобщей подачи голосовъ. Въ довершеніе пораженія, вновь избран-ные муниципальные совѣтники всѣхъ французскихъ горо-довъ, угрожали узурпаторскому версальскому собранію контръ собраніемъ въ Бордо.

Давно желанная Бисмаркомъ минута для энергическаго

вмѣшательства настала. Топомъ хозяина приказалъ онъ Тьеру немедленно прислать во Франкфуртъ уполномоченныхъ для окончательнаго заключенія мира. Съ униженною покорностью поспѣшилъ Тьеръ исполнить приказаніе своего хозяина и господина, и отправилъ во Франкфуртъ своего вѣрнаго Жюля Фавра съ Пуье-Кертье. Пуье-Кертье, «выдающійся» руанскій хлопчато-бумажный фабрикантъ, горячій и даже подобострастный поклонникъ второй имперіи, не находилъ въ ней ничего дурнаго, кромѣ торговаго договора съ Англіей, который вредилъ интересамъ его, какъ фабриканта. Едва Тьеръ сдѣлалъ его въ Бордо министромъ финансовъ, какъ онъ тотчасъ же сталъ нападать на этотъ «нечестивый» договоръ, дѣлать намеки на то, что онъ будетъ въ скоромъ времени уничтоженъ, и былъ настолько безстыденъ, что попробовалъ было (хотя совершенно напрасно, ибо не спросился Бисмарка) снова ввести старыя протекціонныя пошлины въ Эльзасѣ, чему, какъ онъ говорилъ, не препятствовали никакіе международные договоры. Этотъ человѣкъ, который смотрѣлъ на контръ-революцію, какъ на средство понизить заработную плату въ Руанѣ, на уступку провинцій, какъ на средство повысить цѣну на свои товары во Франціи, — этотъ человѣкъ былъ достойнымъ сотоварищемъ Жюля Фавра въ его послѣдней измѣнѣ, увѣнчавшей все зданіе его подвиговъ.

Когда эта умилительная парочка пріѣхала во Франкфуртъ, Бисмаркъ своимъ обыкновеннымъ солдатскимъ тономъ скомандовалъ: или возстановленіе имперіи, или безпрекословное принятіе моихъ условій! Эти условія заключались въ сокращеніи сроковъ платежа военной контрибуціи и дальнѣйшемъ занятіи парижскихъ фортовъ прусскими войсками до тѣхъ поръ, пока Бисмаркъ не останется доволенъ положеніемъ дѣлъ во Франціи. Такимъ образомъ Пруссія была признана верховнымъ судьей внутренней жизни Франціи. Съ другой стороны, онъ высказалъ полную готовность выпустить для истребленія парижанъ плѣнную бонапартовскую армію и, въ случаѣ нужды, подкрѣпить ее войсками императора Вильгельма. Въ залогъ вѣрности своего слова онъ отерочилъ уплату

первой части контрибуціи до «умиротворенія» Парижа. На такую приманку Тьеръ и его уполномоченные кинулись, конечно, съ жадностью. 10 мая они подписали мирный договоръ и уже 21 мая ихъ стараніями онъ былъ утвержденъ національнымъ собраніемъ.

Въ промежутокъ времени отъ заключенія мира до возвращенія изъ Германіи плѣнныхъ бонапартовскихъ войскъ Тьеръ, болѣе чѣмъ когда либо, чувствовалъ себя обязаннымъ продолжать разыгрывать комедію примиренія, тѣмъ болѣе, что его республиканскіе пособники крайне нуждались въ приличномъ предлогѣ, чтобы глядѣть сквозь пальцы на приготовленія къ парижской кровавой банѣ. Еще 8 мая онъ отвѣчалъ депутаціи гражданъ, явившихся склонять его къ примиренію: «Какъ только инсургенты согласятся на капитуляцію, ворота Парижа цѣлую недѣлю будутъ отворены для всѣхъ, кромѣ убійцъ генераловъ Леконта и Клемана Тома».

Нѣсколько дней спустя, когда «деревенскіе депутаты» запальчиво потребовали отъ него объясненія по поводу этого обѣщанія, онъ отказалъ въ этомъ объясненіи, но далъ имъ слѣдующій многознаменательный намекъ: «Говорю вамъ, что между вами есть нетерпѣливые люди, которые спѣшатъ ужъ черезчуръ. Пусть они потерпятъ еще недѣлю; въ концѣ этой недѣли уже не будетъ никакой опасности и задача будетъ исполнѣ соответствовать ихъ мужеству и способностямъ». Когда Макъ-Магонъ далъ, наконецъ, слово, что вскорѣ вступитъ въ Парижъ, Тьеръ заявилъ національному собранію, что онъ «войдетъ въ Парижъ съ *закономъ* въ рукахъ и заставитъ искупить свою вину негодяевъ, которые пролили кровь солдатъ и разрушили публичные памятники». Когда наступила рѣшительная минута, онъ объявилъ національному собранію, что онъ „не будетъ знать пощады“; Парижу — что договоръ его уже произнесенъ; а своимъ бонапартовскимъ бандитамъ — что государство дозволяетъ имъ мстить Парижу сколько ихъ душѣ угодно. Наконецъ, когда измѣна открыла 21 мая генералу Дуэ ворота Парижа, Тьеръ 22 мая разоблачилъ передъ своими „деревенскими депутатами“ „цѣль“ своей комедіи примиренія, которой они такъ упорно

не хотѣли понять. „Нѣсколько дней тому назадъ я говорилъ вамъ, что мы приближаемся къ цѣли; сегодня я пришелъ сказать вамъ, что цѣль уже достигнута. Порядокъ, справедливость и цивилизація наконецъ одержали побѣду“.

А вотъ что такое была эта побѣда. Цивилизація и справедливость буржуазнаго порядка выступаютъ въ своемъ истинномъ, чреватомъ ужасами освѣщеніи, когда среди этого порядка рабы возстаютъ противъ своихъ господъ. Тогда эта цивилизація и эта справедливость являются неприкрытымъ варварствомъ и незаконной местью. Каждый новый кризисъ сословной борьбы между производителями и присвоителями выставляетъ этотъ фактъ все съ большей и большей яркостью.

Даже гнусныя безобразія буржуазіи въ іюнѣ 1848 г. блѣднѣютъ передъ неслыханными ужасами 1871 г. Самоотверженное геройство, съ которымъ весь парижскій народъ — мужчины, женщины и дѣти — сражался еще цѣлую недѣлю послѣ вторженія версальцевъ, отражаетъ величіе его дѣла такъ же ярко, какъ звѣрскіе подвиги солдатчины, духъ той цивилизаціи, наемными защитниками и мстителями которой они были. Славна, дѣйствительно, цивилизація, высокой задачей которой послѣ окончанія битвы было найти, куда дѣвать массы труповъ убитыхъ ею людей!

Чтобы найти что нибудь подобное поведенію Тьера и его палачей, надо обратиться ко временамъ Суллы и обоихъ римскихъ тріумвировъ. Та же хладнокровная бойня людей массами; то же полное пренебреженіе палачей къ полу и возрасту ихъ жертвъ; та же система пытать плѣнныхъ; тѣ же гоненія, только на этотъ разъ уже противъ цѣлаго сословія; та же дикая травля скрывшихся предводителей, чтобы не дать уйти ни одному; тѣ же доносы на политическихъ и личныхъ враговъ; то же равнодушное избіеніе людей, совершенно непричастныхъ къ борьбѣ. Вся разница только въ томъ, что у римлянъ не было митральезъ, чтобы разстрѣливать плѣнныхъ стадами, и что у нихъ не было „въ рукахъ закона“, и на устахъ клика „цивилизація“.

А теперь, налюбовавшись на эти звѣрства, посмотрите на другую, еще болѣе омерзительную сторону буржуазной цивилизаціи, — сторону, изображенную собственной ея прессой!

Парижскій корреспондентъ одного лондонскаго торійскаго журнала пишетъ: „Въ отдаленіи еще раздаются выстрѣлы; раненные, брошенные на произволъ судьбы, испускаютъ духъ между надгробными памятниками кладбища Père-Lachaise; 6,000 перекуганныхъ инсургентовъ въ предсмертной борьбѣ отчаянія заблудившись бродятъ въ лабиринтахъ катакомбъ; по улицамъ гонятъ стадами несчастныхъ, чтобы разстрѣлять ихъ метральезами. Не возмутительно ли видѣть въ такую минуту, какъ въ cafés различные господа услаждаются абсентомъ, дуются въ билиардъ и домино, а публичныя женщины нагло разгуливаютъ по бульварамъ; не возмутительно ли слышать, какъ громкіе крики оргій, раздающіеся изъ отдѣльныхъ комнатъ богатыхъ ресторановъ, нарушаютъ ночную тишину. Эдуардъ Герве пишетъ въ „Journal de Paris“, версальской газетѣ, запрещенной коммуной: „Форма, въ которой парижское населеніе (!) вчера выражало свою радость, въ самомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ легкомысленна, и мы боимся, что дальше будетъ еще хуже. Парижъ имѣетъ теперь видъ праздничный, что дѣйствительно неумѣстно, и если мы не желаемъ, чтобы насъ называли „парижанами временъ упадка“, то надо положить этому конецъ.“ И затѣмъ онъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ Тацита: „И вотъ на слѣдующее же утро послѣ этой ужасной борьбы, и даже ранѣе, чѣмъ она была окончательно рѣшена, Римъ, униженный и развращенный, снова погрузился въ то болото пресыщенія, которое разрушило его тѣло и осквернило его душу—*alibi proelia et vulnera, alibi balnea porinaeque* (здѣсь битвы и раны, тамъ бани и рестораны).“ Герве забываетъ только, что „парижское населеніе“, о которомъ онъ говоритъ, ни болѣе ни менѣе, какъ населеніе тьеровскаго Парижа, Парижа наглыхъ шулеровъ (*francs fileurs*), стадами набѣжавшихъ изъ Версаля, Сень-Дени, Рюэля и Сень-Жермена, дѣйствительно населеніе „Парижа временъ упадка“.

Эта позорная, покоющаяся на порабощеніи труда цивилизація во время каждаго изъ своихъ кровавыхъ триумфовъ надъ самоотверженными бойцами за новое, лучшее общество заглушаетъ крики своихъ жертвъ гикомъ травли, воємъ клеветы, которая находитъ себѣ отголосокъ во всѣхъ концахъ свѣта. А что доказываетъ это страшное превращеніе, по миѣнію буржуазіи всѣхъ странъ? Только то, что коммуна составила заговоръ противъ цивилизаціи! Парижскій народъ съ одушевленіемъ приноситъ себя въ жертву коммуны; ни въ одной изъ битвъ прошлаго не было столько убитыхъ. Что это доказываетъ? Только то, что коммуна была не правительствомъ народа, а насильственнымъ захватомъ власти горстью преступниковъ! Парижскія женщины радостно отдастъ свою жизнь на баррикадахъ и безстрашно встрѣчаютъ смерть изъ рукъ разстрѣливающихъ ихъ палачей. Что это доказываетъ? Только то, что злой духъ коммуны превратилъ ихъ въ Мегеръ и Гекатъ! Умѣренность коммуны въ продолженіе двухмѣсячнаго неоспоримаго господства ея можетъ сравниться только съ геройствомъ ея защиты. Что это доказываетъ? Только то, что коммуна два мѣсяца тщательно скрывала подъ маскою умѣренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, чтобы дать ей волю въ минуту своей предсмертной агоніи!

Парижъ рабочихъ въ порывѣ геройскаго самопожертвованія отдалъ пламени здавія и памятники. Когда угнетатели пролетаріата рвутъ его на куски, то пусть они не рассчитываютъ съ торжествомъ возвратиться подъ неповрежденный кровъ своихъ жилищъ. Версальское правительство кричитъ: поджогъ! и шепчетъ своимъ пособникамъ въ самыхъ отдаленныхъ деревняхъ такой лозунгъ: травите всѣхъ моихъ враговъ, ихъ ремесло — поджоги. Буржуазія всего міра съ наслажденіемъ любитъ бойнею людей толпами *послѣ* битвы, и приходитъ въ иступленіе, когда „оскверняютъ“ ея кровлю!

Когда правительства даютъ своимъ военнымъ флотамъ офиціальное разрѣшеніе „убивать, жечь и разрушать“, развѣ это разрѣшеніе на поджоги? Когда британскія вой-

ска умышленно сожгли Капитолій въ Вашингтонѣ и лѣтній дворецъ китайскаго императора, развѣ это былъ поджогъ? Когда Тьеръ шесть недѣль сряду бомбардировалъ Парижъ, увѣряя, что желаетъ зажечь только тѣ дома, въ которыхъ есть люди, развѣ это былъ поджогъ? Въ войнѣ огонь вполне законное оружіе. Зданія, занятые непріятелемъ, бомбардируютъ, чтобы ихъ зажечь. Когда обороняющіеся принуждены бываютъ оставить эти зданія, они сами поджигаютъ ихъ, чтобы нападающіе не могли укрѣпиться въ нихъ. Неизбѣжная судьба всѣхъ зданій, которыя мѣшаютъ зданіямъ какой бы то ни было регулярной арміи въ свѣтѣ, быть сожженными. А въ войнѣ поработенныхъ противъ ихъ угнетателей, единственной справедливой войнѣ въ исторіи, это считаютъ преступленіемъ! Коммуна воспользовалась огнемъ, какъ средствомъ обороны, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Она воспользовалась имъ, чтобы заградить версальскимъ войскамъ тѣ длинныя, прямыя улицы, которыя Османъ такъ предусмотрительно приспособилъ для артиллерійскаго огня; она воспользовалась имъ для прикрытія своего отступленія, такъ же какъ версальцы, наступая, посылали впередъ гранаты, которыя разрушили не менѣе домовъ, чѣмъ огонь коммуны. До сихъ поръ еще вопросъ, которыя зданія зажжены были наступающими, которыя оборонявшимися. Да и оборонявшіеся только тогда прибѣгли къ огню, когда версальскія войска уже начали свое избіеніе плѣнныхъ массами. — Къ тому же коммуна заранѣе объявила, что если ее доведутъ до крайности, то она погребетъ себя подъ развалинами Парижа и сдѣлаетъ изъ Парижа вторую Москву; это же самое обѣщаніе давало ранѣе и правительство народной обороны, конечно только для того, чтобы прикрыть свою измѣну. Для этой цѣли и приготовилъ Трошю запасъ петролеума. Коммуна знала, что врагамъ ея не было дѣла до парижскаго народа, но что они очень дорожили своими домами въ Парижѣ. А Тьеръ, съ своей стороны, объявилъ, что месть его будетъ безпощадна. Когда, съ одной стороны, армія его уже была готова къ бою, а, съ другой, пруссаки запирали всѣ выходы, онъ воскликнулъ: „Я буду безпощаденъ! Искуп-

леніе должно быть полное, судъ строгій!“ Если дѣянія парижскихъ рабочихъ были вандализмомъ, то это былъ вандализмъ отчаянной обороны, а не вандализмъ торжествующихъ побѣдителей, это былъ тотъ вандализмъ, въ которомъ были виновны и христіане, истребившіе дѣйствительно неоцѣненные памятники искусства древнеязыческаго міра; этотъ вандализмъ былъ оправданъ историками, потому что онъ былъ неизбежнымъ и сравнительно незначительнымъ моментомъ въ испанской борьбѣ новаго, парождавшагося общества съ разрушавшимся старымъ. И уже конечно это не былъ вандализмъ Османа; очистившаго Парижъ историческій, чтобы опростать мѣсто Парижу пройдохи.

А совершенная коммуной казнь шестидесяти четырехъ заложниковъ, въ томъ числѣ парижскаго архіепископа! — Въ іюнѣ 1848 г. буржуазія и ея армія возобновили давно уже исчезнувшій въ войнахъ обычай разстрѣливанія беззащитныхъ плѣнныхъ. Послѣ этого этотъ звѣрскій обычай болѣе или менѣе практиковался при всѣхъ подавленіяхъ народныхъ возстаній въ Европѣ и Остѣ-Индіи, что ясно доказываетъ, что онъ составляетъ истинный „прогрессъ на пути цивилизаціи“! Съ другой стороны пруссаки во Франціи снова ввели обычай брать заложниковъ — ни въ чемъ неповинныхъ людей, которые своею жизнью должны были отвѣчать за дѣйствія другихъ. Когда Тьеръ, какъ это мы видѣли, уже въ самомъ началѣ войны далъ силу гуманному обычаю разстрѣливанія плѣнныхъ коммунаровъ, коммуны для спасенія жизни этихъ плѣнныхъ не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ прусскому обычаю брать заложниковъ. Не переставая разстрѣливать плѣнныхъ, версальцы сами отдавали на жертву заложниковъ. Какимъ же образомъ можно было еще долѣе щадить ихъ жизнь послѣ той кровавой бани, которою макъ-магоновскіе преторіанцы отпраздновали свое вступленіе въ Парижъ? Неужели и послѣдній противовѣсъ неостанавливавшагося ни передъ чѣмъ звѣрства буржуазіи — взятіе заложниковъ — долженъ былъ остаться пустою шуткою? Истинный убійца архіепископа Дарбуа — Тьеръ? Коммуна нѣсколько разъ предлагала промѣнять архіепископа и цѣлое стадо

поповъ на одного только Бланки, котораго такъ крѣпко держалъ Сьеръ. Тьеръ упорно отказывался отъ этой мѣны. Онъ зналъ, что въ Бланки онъ отдаетъ коммуны голову, а что архіепископъ гораздо лучше будетъ служить его цѣлямъ, когда будетъ... трупомъ. Въ этомъ случаѣ Тьеръ обезьянилъ Кавеньяка. Какой крикъ изступленія справилъ въ июнѣ 1848 г. Кавеньякъ и его „дѣтели порядка“, когда они ввели на инсургентовъ убійство архіепископа Аффа! А вѣдь они отлично знали, что архіепископъ былъ подстрѣленъ солдатами „партіи порядка“. Жакме, генеральный викарій архіепископа, публично засвидѣтельствоваъ имъ это непосредственно послѣ самаго происшествія. Вся эта масса клеветъ, которою „партія порядка“ среди своихъ кровавыхъ оргій клеймитъ свои жертвы, доказываетъ только то, что нынѣшніе буржуа видятъ въ себѣ законныхъ наслѣдниковъ древнихъ феодаловъ, которые считали себя въ правѣ употреблять противъ плебеевъ всякое оружіе, но признавали преступленіемъ, когда плеbei сами брались за какое нибудь оружіе.

Заговоръ господствующаго класса съ цѣлью подавленія революціи помощью гражданской войны подъ покровительствомъ чужеземнаго завоевателя, заговоръ, который мы прослѣдили съ сентября до вступленія макъ-магоновскихъ проторіанцевъ въ ворота Сентъ-Клу, этотъ заговоръ увѣнчался кровавой бойней въ Парижѣ. Бисмаркъ самодовольно поглядываетъ на развалины Парижа, въ которыхъ онъ вѣроятно видитъ „первый шагъ“ ко всеобщему разрушенію большихъ городовъ, о чемъ онъ молилъ, когда былъ еще только простымъ „деревенскимъ депутатомъ“ прусской *Chambre introuvable* 1816 г. Онъ самодовольно любитъ трупами парижскаго пролетаріата. Для него это не только истребленіе революціи, а и истребленіе Франціи, которая теперь дѣйствительно обезглавлена и обезглавлена самимъ французскимъ правительствомъ. Съ узколюбіемъ, свойственнымъ всѣмъ преуспѣвающимъ государственнымъ мужамъ, онъ видитъ въ этомъ громадномъ историческомъ событіи однѣ только верхушки. Когда прежде исторія представляла намъ примѣръ побѣдителя, который рѣшился бы увѣнчать свою побѣду, согласившимся

разыграть для побѣжденнаго правительства не только роль жандарма, но и роль наемнаго убійцы. Между Пруссіей и коммуной войны не было. Напротивъ, коммуна приняла предварительныя условія мира, и Пруссія объявила нейтралитетъ. Значить Пруссія не была воюющей стороною. Она дѣйствовала, какъ убійца; какъ подлый убійца, потому что она взялась за такое дѣло, которое не угрожало ей никакой опасностью; какъ наемный убійца, потому что она обусловила уплату ей 500 милліоновъ — кровавую цѣну убійства — паденіемъ Парижа. Тутъ-то и выступилъ наружу истинный характеръ войны, которую провидѣніе ниспослало для наказанія безбожной и развращенной Франціи рукою набожной и высоконравственной Германіи! И это неслыханное нарушеніе международнаго права, какъ его понимаютъ даже юристы стараго міра, вмѣсто того, чтобы заставить „цивилизованныя“ правительства Европы объявить вѣѣ законовъ эту правонарушительницу Пруссію, гнусную ученицу петербургскаго кабинета, дало имъ только поводъ разсуждать, — не выдать ли версальскимъ палачамъ и тѣѣ неиногія жертвы войны, которымъ удалось проскользнуть черезъ двойную цѣпь, облежавшую Парижъ!

Послѣ самой ужасной войны новѣйшаго времени побѣдившая и побѣжденная арміи соединяются, чтобы сообща истребить пролетаріатъ. Такое неслыханное событіе доказываетъ не то, что новое, вырабатывающееся общество окончательно поражено, какъ это думаетъ Биомаркъ, а доказываетъ полнѣйшее разложеніе стараго буржуазнаго общества. Величайшій героическій подвигъ, на который еще былъ способенъ старый міръ, это народная война; но теперь и она оказывается ни болѣе ни менѣе, какъ чистѣйшей правительственной подтасовкой, которая не имѣетъ никакой иной цѣли, кромѣ желанія отерочить сословную борьбу, и отбрасывается въ сторону, какъ только сословная борьба переходитъ въ гражданскую войну. Сословное господство уже болѣе не можетъ прятаться подъ національнымъ мундиромъ; всѣ національныя правительства всегда заводно противъ пролетаріата!

Послѣ Троицына дня 1871 г. уже не можетъ быть ни

мира, ни перемирія между французскими рабочими и присвоителями продукта ихъ труда. Желѣзная рука наемной солдатчины можетъ на время придавить своимъ тяжелымъ гнетомъ оба сословія; но борьба эта снова загорится и будетъ разгораться все шире и шире и, не можетъ быть никакого сомнѣнія, кто, въ концѣ концовъ останется побѣдителемъ: меньшинство присвоителей или огромное большинство производителей. Французскій рабочій является только авангардомъ всего современнаго пролетаріата.

Европейскія правительства доказали передъ Парижемъ международный характеръ сословнаго господства, и сами же завопили на весь міръ, что главной причиной этого страшнаго бѣдствія Международная Ассоціація Рабочихъ, т. е. международная контръ-организація труда противъ всемірнаго заговора капитала. Тьеръ обвиняетъ ее въ томъ, что она деспотъ труда, за освободителя котораго выдаетъ себя. Пикарь предписалъ французскимъ членамъ ея разорвать связь съ заграничными ея членами. Графъ Жоберъ, старикъ, превратившійся въ мумію, соумышленникъ Тьера въ 1835 г., заявилъ, что главнѣйшею задачею всякаго правительства должно быть искорененіе ея. „Деревенскіе депутаты“ національнаго собранія подняли противъ нея ревъ, а вся европейская пресса подхватила имъ хоромъ. Одинъ почтенный французскій писатель, совершенно чуждый нашей ассоціаціи, выразился о ней слѣдующимъ образомъ: „Члены центрального комитета національной гвардіи и большая часть членовъ коммуны самыя дѣятельныя, умныя и энергичныя головы Международной Ассоціаціи Рабочихъ.... люди, вполне честные, искренніе, умные, преданные, чистые и фанатичные въ *лучшемъ* смыслѣ этого слова.“ Понятно, что полицейскаго цѣта уму буржуа международная ассоціація рабочихъ представляется чѣмъ-то въ родѣ тайнаго заговора, центральное управленіе котораго время отъ времени производитъ въ разныхъ странахъ возстанія. Но на дѣлѣ наша ассоціація представляетъ собою только международный союзъ, соединяющій въ себѣ наиболѣе развитыхъ рабочихъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра. Гдѣ бы ни было, подъ какимъ бы видомъ и при какихъ бы обстоятельствахъ ни

проявлялась сословная борьба, совершенно понятно, что члены нашей ассоціаціи всегда будутъ стоять впереди. Почва, на которой она растетъ, это современный міръ. Ее нельзя растоптать, какъ бы много ни было пролито крови. Чтобы растоптать ее, правительствна прежде всего должны бы были растоптать гнетущее господство капитала падъ трудомъ, т. е. условіе собственнаго своего чужеяднаго существованія.

Парижъ рабочихъ съ его коммуной всегда будетъ чувствуемъ, какъ славный предвѣстникъ новаго міра. Мученики его воздвигли себѣ памятникъ въ великомъ сердцѣ рабочаго. Палачей его уже и теперь исторія пригвоздила къ позорному столбу, оторвать отъ котораго ихъ не въ силахъ будутъ всѣ молитвы ихъ поповъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

„Партія плѣнныхъ остановилась въ аллеѣ Уриха ; ее выстроили въ четыре или пять рядовъ на троттуарѣ лицомъ къ улицѣ. Генералъ маркизъ-де-Галлифэ и его штабъ спѣшились и стали производить смотръ линіи, начиная съ лѣваго крыла. Генералъ медленно подвигался впередъ, осматривая ряды ; по временамъ онъ останавливался, дотрогивался рукою до плеча котораго нибудь изъ плѣнныхъ, или дѣлалъ знакъ кому нибудь изъ стоявшихъ къ заднихъ рядахъ выступить впередъ. Отобранные такимъ образомъ плѣнные выстраивались безъ дальнѣйшей процедуры посреди улицы, гдѣ скоро образовали цѣлую колонну..... Очевидно, что тутъ было открыто широкое поле для ошибокъ. Одинъ офицеръ на лошади обратилъ вниманіе генерала на мужчину и женщину, обвинявшихся въ какомъ-то особомъ преступленіи. Женщина стремительно выступила изъ рядовъ, бросилась на колѣни и, простирая впередъ руки, завѣряла въ своей невиновности. Генералъ выждалъ и, когда она на минуту остановилась, произнесъ совершенно спокойно, ни одинъ мускулъ на лицѣ его не дрогнулъ : „сударыня, я бывалъ во всѣхъ парижскихъ театрахъ, не тратьте попусту времени на разыгрываніе комедіи (*il ne vaut pas la peine de jouer la comédie*)....“ Горе было всякому, кто выдавался надъ прочими ростомъ, неряшливостью, опрятностью, лѣтами или безобразіемъ. Одинъ человѣкъ былъ положительно обязанъ, какъ мнѣ показалось, освобожденіемъ своимъ изъ этой земной юдоли своему провалившемуся носу.... Болѣе ста человѣкъ были отобраны такимъ образомъ, при нихъ была оставлена рота солдатъ для разстрѣливанія, а остальная партія дви-